

Константин Душенко

Генрих Гейне. Мысли и афоризмы

Тысячелетнему царству романтики наступил конец, и я сам был его последним сказочным принцем.

Генрих Гейне

НЕСКОЛЬКО ДАТ

1797, 13 декабря. В Дюссельдорфе в семье купца Самсона Гейне родился сын Генрих. *«Над моей колыбелью играли*

последние лучи XVIII и первая утренняя заря XIX столетия».

1811, 2 ноября. Лицеист Гейне присутствует при торжественном въезде Наполеона в Дюссельдорф.

1821. Вышла первая книга Гейне «Стихотворения».

1825. Гейне принимает крещение по лютеранскому обряду. Получает степень доктора права в Геттингенском

университете.

1826—1827. Два тома «Путевых картин» и «Книга песен» делают Гейне знаменитым.

1831. Гейне поселяется в Париже как политический эмигрант.

1834. Гейне знакомится со своей будущей женой Крессенсией-Эжени Мира (он дал ей более легкое имя Матильда).

1840. Книга Гейне «Людвиг Бёрне» поссорила поэта с немецкими радикалами, для которых Бёрне, умерший за три

года до этого, был святыней.

1841. Заботясь о будущем Матильды, Гейне венчается с ней накануне своей очередной дуэли.

1844. Выходит в свет поэма «Германия. Зимняя сказка».

1845. У Гейне начинается паралич верхней части тела.

1848. Гейне уже не может передвигаться. В свою последнюю прогулку по Парижу он с трудом добирается до Лувра.

«Я чуть не упал от слабости, войдя в благородный зал, где стоит на своем постаменте вечно благословенная богиня

красоты, наша мать божья из Милоса. Я долго лежал у ее ног и плакал так горестно, что слезами моими

тронулся бы даже камень. И богиня глядела на меня с высоты сочувственно, но так безнадежно, как будто хотела

сказать: „Разве ты не видишь, что у меня нет рук и я не могу тебе помочь?“

1849. *«Я еще не совсем верю в небо, но уже предчувствую ад по тем прижиганиям позвоночного столба, которые мне*

делали».

1851. Сборник стихов Гейне «Романсеро» выдерживает четыре издания в течение двух месяцев.

17 февраля 1856. Смерть Генриха Гейне. Его последними словами были: «*Бумагу... карандаш...*»

ГЕЙНЕ О СЕБЕ

Я не такой злой, как кажется. Я раскрасил себе лицо такими страшными красками лишь для того, чтобы в бою

напугать моих врагов. В сущности же я кроток, как ягненок.

* * *

Прославленные агнцы кротости вовсе не вели бы себя так смиренно, если бы обладали клыками и когтями тигра. Я

могу похвалиться тем, что лишь изредка пользовался этим естественным оружием.

* * *

В романтической школе я провел самые приятные годы своей юности, а под конец высек учителя.

* * *

Когда Гораций преподавал писателям знаменитое правило на девять лет оставлять свои сочинения в столе, ему

следовало одновременно открыть им рецепт, как прожить девять лет без пищи. Я не вытерпел бы и двадцати четырех

часов, а не то что девяти лет, желудок мой мало видит толку в бессмертии; по зрелом размышлении я решил, что

соглашусь быть бессмертным лишь наполовину, но зато сытым — вполне; и если Вольтер хотел отдать триста лет своей

посмертной славы за хорошее пищеварение, то я предлагаю вдвое за самую пищу.

* * *

Я не тружусь в субботу, в седьмой день, когда Бог отдыхал; более того, из осторожности, не зная того, когда именно

приходится этот седьмой день, я часто по целым неделям ничего не делаю.

* * *

Мой основной принцип – «чем дороже мы обходимся людям, тем больше они любят нас!».

* * *

Мать рассказывает, что во время беременности она увидела в чужом саду на дереве яблоко, но не захотела сорвать его, чтобы ее дитя не стало вором. В течение всей своей жизни сохранял я тайную страсть к красивым яблокам, связанную, однако, с уважением к чужой собственности и с отвращением к воровству.

* * *

Сердце мое будет любить вечно, пока на свете есть женщины; остынет оно к одной и тотчас же вспыхнет к другой; как во Франции никогда не умирает король, так никогда не умирает королева в моем сердце; лозунг его: «Королева

умерла, да здравствует королева!»

* * *

Моя жена была совершенно права, когда однажды сердито сказала кому-то, кто хвалил меня за ум: «Он только

прикидывается умным».

* * *

Прочтите моего «Ратклифа», моего «Альманзора», мое «Лирическое интермеццо». Разум! Разум! Один лишь разум! –

и вы испугаетесь высот моей глупости.

* * *

Я возвратился к Богу, подобно блудному сыну, после того как долгое время пас свиней у гегельянцев.

* * *

Весь мир надорван по самой середине. А так как сердце поэта – центр мира, то в наше время оно тоже должно самым

жалостным образом надорваться. В моем сердце прошла великая мировая трещина.

ОБ АНГЛИИ И АМЕРИКЕ

Молчание – английский способ беседовать.

* * *

Англичане берут в рот дюжину односложных слов, жуют их, глотают их и выплевывают – и это называется

английским языком.

* * *

Англичане рядом с итальянцами все как один напоминают статуи с отбитыми кончиками носов.

* * *

В этом мире нет ничего ужаснее английской музыки, разве только английская живопись.

* * *

Милосердная природа никогда до конца не обездоливает своих созданий, и, лишив англичан всего, что прекрасно и

мило, не наделив их голосом, чтобы петь, чувствами, чтобы наслаждаться, и снабдив их вместо человеческой души

разве только кожаными мехами для портера, – она взамен всего уделила им большой ломоть гражданской свободы, талант

комфортабельно устраивать домашний быт и Вильяма Шекспира.

* * *

Если бы и вся Европа превратилась в сплошную тюрьму, то осталась бы лазейка для бегства: это – Америка, и, слава

богу, лазейка больше, чем вся тюрьма.

О БИБЛИИ И БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТАХ

Каждый автор, как бы он ни был велик, желает, чтобы его творенье хвалили. И в Библии, этих мемуарах Божьих, сказано совершенно ясно, что создал он человека ради славы своей и хвалы.

* * *

Религиозности во мне довольно. Я и теперь уже верю в самое главное, о чем написано в Библии, я верю, что Авраам

родил Исаака, Исаак – Иакова и Иаков – Иуду, а также в то, что этот последний познал на большой дороге свою сноху

Фамарь. Верю также, что Лот слишком много пил со своими дочерьми. Верю, что жена Потифара удержала в своих

руках одежду благонравного Иосифа. Верю, что оба старца, застигнувшие Сусанну во время купания, были очень

стары. Кроме того, я верю, что праотец Иаков обманул сначала своего брата, а потом тестя, что царь Давид дал Урии

хорошую должность в армии, что Соломон завел себе тысячу жен, а потом стал ныть, что все суета.

* * *

За тучными коровами следуют тощие, за тощими – полное отсутствие говядины.

* * *

Тот, кто хочет влиять на толпу, нуждается в шарлатанской приправе. Даже сам Господь Бог, издавая свои заповеди на

горе Синай, не упустил случая основательно посверкать молниями и погромыхать. Господь знал свою публику.

* * *

Сколь многие начинали с намерения опорочить церковь, восстать против нее – и внезапно изменяли свои взгляды, и

падали на колени, и поклонялись. Со многими случилось то же, что с Валаамом, сыном Боеровым, который пустился в

путь, чтобы проклясть Израиль, и вопреки своим намерениям благословил его. Отчего? Ведь услышал он всего-навсего ослиный глас.

* * *

Я так же безумен, как вавилонский царь Навуходоносор, и ем только рубленую траву, которую моя кухарка называет

шпинатом.

* * *

Книга Иова есть песня песней скептицизма, и страшные змеи с шипом и свистом задают в ней свой извечный вопрос: почему? Как могло случиться, что благочестивая архивно-храмовая комиссия, председателем которой был Ездра, после возвращения из Вавилона приняла эту книгу в канон Священного Писания? Я часто спрашивал себя об этом.

По моим представлениям, те боговдохновенные мужи поступили так не по недомыслию, а потому, что, по великой

мудрости своей, они, конечно, знали, как глубоко заложено и оправдано в человеческой душе сомнение, знали, что

поэтому его нельзя грубо подавлять, а следует лишь врачевать. Они применили при лечении этого недуга

гомеопатические методы, воздействуя подобным на подобное, однако давали при этом вовсе не гомеопатически малые

дозы, – напротив, они самым чудовищным образом увеличивали их, и вот такую сверхмощную дозу сомнений

является Книга Иова; нельзя, чтобы этого яда не оказалось в Библии, этой огромной домашней аптеке человечества.

* * *

Картина. Внутренность дома Иосифа и Марии. Он сидит возле колыбели, качая младенца, и при этом напевает

баюшки-баю – проза. Мария сидит у окна среди цветов и ласкает свою голубку.

* * *

Об Иуде на картине Андреа дель Сарто «Брак в Кане»:

Здесь представлено, как Мария взяла фунт елея и помазала им ноги Иисуса и осушила их своими волосами. Никто из

апостолов как будто не чувствует значения происходящего, а вот этот, с рыжей бородой, словно с неудовольствием

произносит, как сказано в Писании: «Почему бы не продать этот елей за триста грошей и не раздать деньги нищим?»

Это тот самый бережливый апостол, что ведает казной; привычка иметь дело с деньгами – причина, почему он стал

равнодушным ко всякому бескорыстному благоуханию любви; он предпочитает променять елей на гроши ради какой-нибудь полезной цели, и именно он, меняла, он предал Спасителя за тридцать сребреников.

В этой истории о банкире из среды апостолов Евангелие символически показывает зловеще-обольстительную мощь, таящуюся в денежном мешке, и предостерегает против вероломства деловых людей. Всякий богач – Иуда Искариот.

О БОГЕ И РЕЛИГИИ

Бог есть; но сказать: «Я верю в Бога» – это уже богохульство.

* * *

Достаточно мне увидеть, что кто-нибудь оспаривает бытие Божье, как меня охватывает такое странное беспокойство, такая тоскливая жуть, какие я испытывал когда-то в лондонском Нью-Бедламе, когда, будучи окружен толпой

безумцев, я потерял из виду моего провожатого. «Бог есть все, что существует», и всякое сомнение в нем есть

сомнение в жизни, есть смерть.

* * *

С того момента, как религия начинает искать помощи у философии, ее гибель становится неотвратимой. Религия, как

всякий абсолютизм, не должна оправдываться.

* * *

Тяжело больной Гейне говорил:

– Опиум – тоже религия. Между опиумом и религией существует большее родство, нежели большинство людей может

себе представить.

* * *

Мысль о личном бытии Бога как духа так же абсурдна, как грубый антропоморфизм: ибо духовные атрибуты не имеют

никакого значения без телесных.

* * *

Бог лучших спиритуалистов – это своего рода безвоздушное пространство в царстве мысли, озаренное любовью, которая есть опять-таки отблеск чувственности.

* * *

Но почему так ненавистен нам спиритуализм? Разве он столь уж дурен? Нисколько. Розовое масло – вещь

драгоценная. Но мы все же не хотим, чтобы все розы этой жизни были растоптаны и раздавлены ради нескольких

капель розового масла, как бы ни были они живительны.

* * *

Прежде чем стать мистиком, **был скромным разумным человеком.

Как Магомет был всего-навсего погонщиком верблюдов, пока ангел не посвятил его в пророки, так и **был, правда, не

погонщиком верблюдов, но просто верблюдом, пока не загорелся перед ним новый свет.

* * *

В темные времена народами лучше всего руководили с помощью религии – ведь в полной темноте слепой является

лучшим проводником: он различает дорогу и тропы лучше зрячего.

* * *

Случайный визит в дом умалишенных показывает, что вера ничего не доказывает.

* * *

Замечено, что священники всего мира – раввины, муфтии, доминиканцы, консисторские советники, попы, бонзы, – короче, весь дипломатический корпус Божий, – отличаются фамильным сходством лиц, характерным для людей одного промысла.

* * *

Как в промышленности, так и в религиях вредна система монополии; свободная конкуренция сохраняет их силу, и они лишь тогда вновь расцветут в блеске своего первоначального величия, когда будет введено политическое равенство культов, так сказать, промышленная свобода для Бога.

* * *

Гренландцы, когда датские миссионеры попытались обратить их в христианство, задали им вопрос: водятся ли в

христианском раю тюлени? Получив отрицательный ответ, они с огорчением заявили: в таком случае христианский

рай не годится для гренландцев, которые, мол, не могут существовать без тюленей.

* * *

После громадных успехов естествознания чудеса прекращаются.
Потому ли, что Господу Богу докучает

подозрительность, с какой физики следят за его пальцами, или его не
привлекает конкуренция с Боско [1](#), – но даже в

последнее время, когда религии грозит столько опасностей, он не
соблаговолил поддержать ее каким-нибудь

потрясающим чудом.

* * *

Монотеизм – это минимум религии. Это столь малая доза, что ее уже
невозможно уменьшить.

* * *

В теории современная религия разбита наголову, в идее она убита, но
она еще продолжает жить механической

жизнью, как муха, у которой отрезали голову и которая, как бы не
замечая этого, все еще продолжает бойко кружиться

и летать.

* * *

Эта паутинообразная берлинская диалектика неспособна даже кошку
убить, не то что бога. На самом себе я испытал, как безопасны ее
смертоносные удары; она только и делает, что убивает, а жертвы ее
продолжают жить.

* * *

Да, признаюсь уж во всем, я вдруг ужасно испугался вечного огня.
Стихотворения, хотя бы отдаленно заключавшие в

себе колкости против Господа Бога, я с боязливым рвением предал огню. Лучше пусть горят стихи, чем стихотворец.

* * *

Бог простит мне глупости, которые я наговорил про него, как я моим противникам прощаю глупости, которые они

писали против меня, хотя духовно они стояли настолько же ниже меня, насколько я стою ниже тебя, о Господи!

О ГЕРМАНИИ И НЕМЦАХ

То хорошо у нас, немцев, что никто еще не безумен настолько, чтобы не найти еще более сумасшедшего, который

понимал бы его.

* * *

Французское безумие далеко еще не столь безумно, как немецкое, ибо в последнем, как сказал бы Полоний, есть

система.

* * *

Немецкий язык в сущности богат, но в немецкой разговорной речи мы пользуемся только десятой долей этого

богатства; таким образом, фактически мы бедны словом.

* * *

Немецкие и французские женщины. Немецкие печи согревают лучше, чем французские каминны, но в последних

приятнее то, что видишь пылающий огонь. Радостное зрелище, но за спиною мороз. Немецкая печь, как преданно и

скромно ты греешь!

* * *

У англичан больше мнений, чем мыслей. У нас, немцев, наоборот, так много мыслей, что мы не успеваем даже

составить себе мнение.

* * *

Наше лето только выкрашенная в зеленый цвет зима.

* * *

В Германии можно рассчитывать на сострадание и на слезные железы толпы, когда тебе в полемике хорошо намнут

бока. Немцы похожи на старых баб, которые ни за что не упустят случая поглазеть на казнь, протискиваясь вперед, в

ряды самых любопытных зрителей, а при виде осужденного и его страданий горько рыдают и даже защищают его. Но

эти плакальщицы, так жалостно причитающие при литературных экзекуциях, были бы чрезвычайно огорчены, если

осужденный, порки которого они как раз ожидали, вдруг был бы помилован и им пришлось бы, ничего не повидав, тащиться домой.

* * *

Когда Господь Бог, снег и казаки уничтожили лучшие войска Наполеона, то мы, немцы, получили высочайший приказ

освободиться от чужеземного ига, – и мы воспылали мужественным гневом против нашего долготерпения и рабства и

воодушевились под влиянием прекрасных мелодий и плохих стихов кернеровских песен, – и мы завоевали свободу; ибо мы делаем все, что приказывают нам наши государи.

* * *

Первая добродетель германцев – известная верность, несколько неуклюжая, но трогательно великодушная верность.

1 *Бартоломео Боск о* – знаменитый итальянский фокусник.

Немец бьется даже за самое неправоe дело, раз он получил задаток или хоть спьяну обещал свое содействие.

* * *

Я ненавижу всякое отступничество и не мог бы отречься ни от одной немецкой кошки, ни от одной немецкой собаки, как бы невыносимы ни были для меня ее блохи и ее верность.

О ГЕТЕ И ШИЛЛЕРЕ

Гете держит природой зеркало, или – лучше сказать – он сам зеркало природы. Природа пожелала узнать, как она

выглядит, и создала Гете.

* * *

Этот великан был министром в карликовом немецком государстве. Он никогда не мог двигаться свободно. О сидящем

на троне Юпитере Фидия в Олимпии говорили, что, если бы он когда-нибудь внезапно встал, он проломил бы головой

крышу храма. Таким же точно было положение Гете в Веймаре: если бы он когда-нибудь внезапно восстал из своего

неподвижного покоя и выпрямился, то он пробил бы государственную крышу или, что еще вероятнее, разбил бы себе

о нее голову.

* * *

Очень метко сравнил один остроумный иностранец нашего Гете со старым разбойничьим атаманом, который

отказался от ремесла, ведет честную обывательскую жизнь среди уважаемых лиц провинциального городка, старается

исполнять до мельчайших подробностей все филистерские добродетели и приходит в мучительное смущение, если

случайно с ним встречается какой-нибудь беспутный парень из Калабрийских лесов и хочет напомнить старые

товарищеские отношения.

(По предположению Юрия Тынянова, этим иностранцем был Федор Тютчев.)

* * *

Гете все же король нашей литературы; если и поднимаешь на него критический нож, то необходимо делать это с

надлежащей учтивостью, подобно палачу, которому предстояло отрубить голову Карлу I и который, прежде чем

приступить к исполнению обязанностей, преклонил перед королем колена и просил у него высочайшего прощения.

* * *

Некий господин Эккерман написал книгу о Гете, где совершенно серьезно уверяет, что, если бы Господь Бог при

сотворении мира сказал Гете: «Дорогой Гете, я, слава богу, покончил теперь со всем, кроме птиц и деревьев, и ты

сделал бы мне большое одолжение, если бы согласился создать за меня эту мелочь», – то Гете, не хуже самого Господа

Бога, сотворил бы птиц и эти деревья, в духе полного соответствия со всем мирозданием, а именно – птиц создал бы

пернатыми, а деревья зелеными.

В словах этих есть правда, и я держусь того мнения, что Гете в некоторых случаях лучше бы справился с делом, чем

сам Господь Бог, и что, например, он более правильно создал бы господина Эккермана – сделал бы его пернатым и

зеленым.

* * *

Если мы отдаем некоторое предпочтение Гете перед Шиллером, то лишь благодаря тому незначительному

обстоятельству, что Гете, по нашему мнению, ежели бы ему в его творениях потребовалось подробно изобразить

такого поэта, со всеми относящимися сюда стихами, был способен сочинить всего Фридриха Шиллера, со всеми его

Разбойниками, Пикколомини, Луизами, Мариями и Девами.

О ГЛУПОСТИ И ДУРАКАХ

Просто удивительно, как в такой маленькой головке уместается такая масса невежества.

* * *

У него отваги хватит на сотню львов, а ума – на пару ослов.

* * *

Новые мысли придумывают мудрецы, а распространяют глупцы.

* * *

Существует лишь одна мудрость, и она имеет определенные границы, но глупостей существует тысячи, и все они

беспредельны.

* * *

Ученый казуист и духовный пастырь Шупп говорит даже: «На свете больше дураков, чем людей».

* * *

В Германии есть более благородный материал для смеха, в ней больше действительно смешных характеров, чем во

Франции, где общественная насмешка в зародыше убивает все незаурядно смешное, где ни один оригинальный дурак

не может расти и совершенствоваться на свободе. Немец с гордостью может утверждать, что только на немецкой почве

дураки могут достичь того титанического роста, о котором не имеет понятия приплюснутый, рано подавленный в

своём развитии французский дурак.

* * *

О Гамбурге:

Все дураки, которых я здесь вижу, могут пригодиться для моих произведений, – они для меня чистый заработок, наличные деньги. Мне везет в настоящее время. Господь благословил меня – дураки особенно пышно уродились в

нынешнем году, а я, как хороший хозяин, потребляю их очень экономно, сберегая самых удачных впрок.

* * *

Как обезьяна тем смешнее, чем вернее подражает человеку, так и дураки тем смешнее, чем больше притворяются

умными.

* * *

Бог сотворил рогатый скот потому, что мясные супы подкрепляют человека, ослов сотворил затем, чтобы они служили

для сравнений, а самого человека – чтобы он ел мясные супы и не был ослом.

* * *

Изобрели средство, которое действует с обратной силой и благодаря которому всякая глупость может считаться как бы

не совершённою или может даже превратиться в мудрость. Средство это совершенно простое, и заключается оно в

заявлении, что глупость совершена или сказана в ироническом смысле. Так-то все в этом мире движется вперед: глупость становится иронией, неудачная лесть становится сатирою, природная грубость становится искусным

пародированием, истинное безумие – юмором, невежество – блестящим остроумием.

* * *

Как разумные люди бывают подчас часто очень глупы, так глупцы подчас отличаются сообразительностью.

* * *

Ах! Это было так давно! Я был тогда молод и глуп. Теперь я стар и глуп.

О ГРЕКАХ И РИМЛЯНАХ

Спарта, эта скучная большая фабрика патриотизма, эта казарма республиканской добродетели, эта величественно-скверная кухня равенства, где черные супы варились столь плохо, что аттические остряки утверждали, будто

лакедемоняне из-за них-то и презирают жизнь и так геройски погибают в бою.

* * *

Афиняне были учащейся молодежью человечества, афинская конституция была чем-то вроде академической свободы, и неразумно было бы вводить ее в наш взрослый век, в нашей сидящей Европе.

* * *

Когда Цицерон произносил на Форуме свои речи, слушатели находили, что никто не умеет говорить лучше Марка

Туллия; но когда говорил Демосфен, афиняне восклицали: «Война Филиппу!»

* * *

У римлян ни за что не хватило бы времени на завоевание мира, если бы им пришлось сперва изучать латынь.

* * *

Глупцы полагают, будто для того, чтобы завладеть Капитолием, необходимо сначала напасть на гусей.

* * *

Римлянин был одновременно и солдатом и адвокатом, что дало смесь самого отвратительного свойства.

* * *

Бездушные римляне, суровый, трезвый, прозаический народ, помесь грубого хищничества и тонкого адвокатского ума, казуистическая солдатчина.

* * *

Тацит – самый жестокий мастер сатиры именно потому, что он глубже других чувствовал величие Рима и ничтожество людей.

* * *

У них, этих Неронов и Калигул, кружилась голова, когда они достигали вершины всемогущества; вообразив, что они

выше всего человечества, они теряли человеческий облик; почитая себя за богов, они становились безбожниками.

* * *

Прежние радостные боги, не ведавшие страданий, не знали, каково приходится бедному страждущему человеку, и

бедный страждущий человек в час скорби не мог всем сердцем обратиться к ним. То были праздничные боги, вокруг

которых шла веселая пляска и которых можно было только благодарить. Потому-то их, в сущности, и не любили как следует, от всего сердца.

* * *

Язычеству приходит конец, как только философы реабилитируют богов, возведя их к мифам.

* * *

О победе христианства над религиями античности:

Не стало блаженных богов. Олимп превратился в лазарет. Религия доставляла уже не радость, а только утешение; то

была печальная, кровью исходящая религия, религия приговоренных к смерти.

* * *

В большом пальце ноги Шекспира поэзии больше, чем у всех греческих поэтов, за исключением Аристофана. Греки

были великими художниками, но не поэтами.

О ДЕНЬГАХ

Древние мифы о золотом руне и о кладе Нибелунгов полны значения. Золото – талисман; в нем гнездятся демоны, они

исполняют все наши желания и, тем не менее, ненавидят нас за рабскую покорность, с которой им приходится нам

служить; они мстят нам, прибегая к тайным козням; именно исполнение наших желаний они обращают в несчастье и

так готовят нам всевозможные беды.

* * *

Один поэт сказал: «Первый король был счастливый воин!» Насчет основателей нынешних наших финансовых

династий мы можем, пожалуй, прозаически сказать, что первый банкир был счастливый мошенник.

* * *

Как театры сгорают по несколько раз, прежде чем, точно феникс из пепла, вознестись в роскошной постройке, так же

бывает и с некоторыми банкирами: нынче дом **после трех или четырех банкротств блистает наиболее блистательно.

После каждого пожара он поднимался еще в большем великолепии — кредиторы не были застрахованы.

* * *

От высокомерия богатства ничто не защитит вас — кроме смерти и сатиры.

* * *

Остричь и занимать деньги нужно внезапно.

* * *

Ни у одного народа вера в бессмертие не была так сильна, как у кельтов; у них можно было занимать деньги, с тем что

возвратишь их в ином мире. Богобоязненным христианским ростовщикам следовало бы брать с них пример.

* * *

В 1829 году Гейне написал одному из своих друзей: «Если ты срочно не вышлешь мне сорок талеров, я буду голодать

за твой счет».

О ДОБРОДЕТЕЛИ И СТРАДАНИИ

Люди, ничем не примечательные, конечно, правы, проповедуя скромность. Им так легко осуществлять эту

добродетель.

* * *

Больные, право, аристократичнее здоровых; ведь только больной человек становится человеком, у его тела есть

история страданий, оно одухотворено. Мне думается даже, что путем страдания и животные могли бы стать людьми; я

видел однажды умирающую собаку: она в своих предсмертных муках смотрела на меня почти как человек.

* * *

Истинное сумасшествие так же редко, как истинная мудрость; быть может, оно-то и есть настоящая мудрость, которая

в досаде на то, что она все знает, все безобразия этого мира, приняла мудрое решение сойти с ума. Восточные народы

мудрее нас; они почитают сумасшедшего, как пророка; мы же считаем пророков сумасшедшими.

* * *

Прошлое – родина души человека. Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы некогда испытывали. Даже

тоска по былой скорби.

* * *

И вообще – что такое удовольствие? Удовольствие – не что иное, как в высшей степени приятная скорбь.

* * *

Нравственность – это разум сердца.

* * *

Мораль есть религия, перешедшая в нравы.

* * *

Только родственная скорбь исторгает слезы, и каждый, в сущности, плачет о себе самом.

* * *

Тот, кто видит своего бога страдающим, легче переносит собственные страдания.

* * *

Страдание нравственное легче вынести, чем физическое, и, если бы, например, мне дали на выбор больную совесть

или больной зуб, я избрал бы первое.

* * *

Чтобы победить самые тяжелые страдания, есть два средства: это опиум – и работа.

* * *

Добродетельным всякий может быть в одиночку; для порока же всегда нужны двое.

* * *

Совершенство мира всегда адекватно совершенству того духа, который созерцает его. Добрый находит на земле рай

для себя, злой уже здесь вкушает свой ад.

* * *

Если человек хочет застрелиться, он всегда имеет на то достаточные причины. Но знает ли он сам эти причины – это

другой вопрос. До последней минуты мы разыгрываем с собою комедию. Умирая от зубной боли в сердце, мы

жалуемся на зубную боль.

* * *

...У меня же была зубная боль в сердце. Это тяжелый недуг, от него превосходно помогает свинцовая пломба и тот

зубной порошок, что изобрел Бертольд Шварц.

О ДЬЯВОЛЕ

У Господа Бога было пусто в кассе, когда он создал мир. Он принужден был занять денег у черта под залог всей

вселенной. И вот, так как Господь Бог и по божеским и по человеческим законам остается еще должником черта, то из

деликатности он не может ему препятствовать слоняться в мире и насаждать смуту и зло. Но черт тоже опять-таки

очень заинтересован в том, чтобы мир не совсем погиб, так как в этом случае он лишится залога; поэтому он и

остерегается перехватывать через край, а Господь Бог, который тоже не глуп и хорошо понимает, что в корысти черта

для него заключается тайная гарантия, часто доходит до того, что передает ему все управление миром, то есть

поручает черту составить правительство.

* * *

Дьявол существо настолько холодное, что не может себя нигде хорошо чувствовать, кроме как в огне. На эту

холодность дьявольской природы жаловались все женщины, имевшие несчастье вступить с ним в близкие отношения.

Удивительно совпадают в этом отношении дошедшие до нас показания ведьм в колдовских процессах всех стран. Эти

дамы, признававшиеся в своей плотской связи с дьяволом, даже под пыткой неизменно рассказывают о холоде его

объятий; ледяными – плакались они – были проявления этой дьявольской нежности. Дьявол холоден даже в качестве

любовника.

* * *

В сборище ведьм есть у князя тьмы избранница, носящая титул верховной невесты и состоящая как бы его главной

любовницей. Это очень красивая, крупная, почти огромная женщина, ибо дьявол не только знаток прекрасных форм, артист, но и любитель плоти, и, по его мнению, чем больше плоти, тем больше и грех.

* * *

Вы не имеете никакого понятия об аде, madame. Мы получаем оттуда мало официальных сведений. Правда, слухи, будто бедные грешники должны по целым дням читать там все те плохие проповеди, которые печатаются тут, наверху, – сушая клевета. Таких ужасов в аду нет, до таких утонченных пыток сатана никогда не додумается.

* * *

Иногда мне кажется, что дьявол, дворянство и иезуиты существуют лишь постольку, поскольку мы верим в них.

Относительно дьявола мы можем утверждать это безусловно, так как до сих пор его видели только верующие.

О ЕВРЕЯХ

Я всегда питал пристрастие к евреям, хотя они по сей час распинают мое доброе имя. Однако же я не достиг в

еврейском языке таких успехов, как мои карманные часы, которые часто находились в тесном общении с

ростовщиками и поэтому восприняли некоторые еврейские обычаи, – например, по субботам они не шли.

* * *

Не будучи допущены ко всем остальным ремеслам, евреи поневоле стали самыми сметливыми купцами и банкирами.

Их заставляли быть богатыми, а потом ненавидели за богатство. В истории прав каждый: прав молот, права и

наковальня.

* * *

Еврей Фульд избран в парламент. Я очень рад этому; значит, равноправие евреев вполне осуществилось. Прежде

только гениальный еврей мог пробиться в парламент; но если уж такая посредственность, как Фульд, пробивается, —

значит, нет больше различий между евреями и неевреями.

* * *

Евреи несли Библию сквозь века как свое переносное отечество.

* * *

Талмуд есть еврейский католицизм.

* * *

Я знаю в Гамбурге доброго христианина, который никак не мог примириться с тем, что наш Господь и Спаситель был

по происхождению еврей. Глубокое негодование овладевало им всякий раз, когда он представлял себе, что человек, заслуживающий величайшего поклонения, образец совершенства, принадлежит тем не менее к племени тех

долгоносых, которые торгуют на улицах всяким старьем, которых он столь основательно презирает и которые кажутся

ему еще отвратительнее, когда они вдобавок, подобно ему самому, принимаются за оптовую торговлю пряностями и

москательным товаром, нанося ущерб его собственным интересам.

* * *

Удивительное дело! Тот самый народ, который подарил миру Бога и вся жизнь которого была проникнута

исключительно благоговением пред господом, был ославлен как богоубийца! Кровавую пародию на такого рода

безумие видели мы в начале революции в Сан-Доминго, когда во главе толпы негров, предававших плантаторов огню и

мечу, шествовал черный фанатик, который нес огромное распятие в руках и кровожадно кричал: «Белые убили

Христа, перебьем всех белых!»

* * *

Иудея всегда представлялась мне куском Запада, затерявшимся на Востоке.

* * *

Иудея, этот протестантский Египет.

* * *

Евреи были единственными, кто отстаивал свободу своей религии в то время, когда Европа становилась христианской.

* * *

Как о Создателе, так и о его создании, евреях, я никогда не говорил с достаточным уважением, и тоже, конечно, из-за

моей эллинской природы, которую отталкивал иудейский аскетизм. С той поры уменьшилось мое пристрастие к Элладе.

Я вижу теперь, что греки были лишь прекрасными юношами, евреи же всегда были мужами, могучими, непреклонными мужами, и не только в былые времена, но и до сего дня, несмотря на восемнадцать веков гонений и

страданий. С той поры я научился лучше ценить их, и если бы всякая гордость происхождением не была дурацкой

несообразностью в борце за революцию и ее демократические принципы, то пишущий эти строки мог бы гордиться

тем, что предки его принадлежали к благородному роду Израиля, что он – отпрыск тех мучеников, которые дали миру

Бога и нравственность и сражались и страдали на всех боевых полях мысли.

* * *

История еврейства прекрасна, однако современные евреи вредят древним, которых можно было бы поставить гораздо

выше греков и римлян. Мне думается, что если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится

экземпляр представителей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожать ему

руку, – а теперь нас избегают!

* * *

Никогда не говорить об отношении к евреям! Испанец, который каждую ночь во сне беседует с Божьей матерью, из

деликатности ни за что не коснется ее отношений к Богу-Отцу: самое беспорочное зачатие все-таки остается зачатием.

* * *

За фарфор, который саксонских евреев когда-то силой заставляли покупать, те из них, кто его сохранил, получают

теперь стократную стоимость. В конце концов Израиль будет вознагражден за свои жертвы признанием во всем мире, славой и величием.

О ЖЕНЩИНАХ

Женщина – одновременно яблоко и змея.

* * *

О, этот рай! Удивительное дело: едва женщина поднялась до мышления и самосознания, как первой ее мыслью было: новое платье!

* * *

Я бы не сказал, что женщины не имеют характера, – просто у них каждый день другой характер.

* * *

Женщины творят историю, хотя история запоминает лишь имена мужчин.

* * *

Немецкие женщины опасны своими дневниками, которые может найти муж.

* * *

Полек я именую ангелами земли, потому что самих ангелов называю польками неба.

* * *

Женщины знают только один способ нас осчастливить и тридцать тысяч способов сделать нас несчастными.

* * *

Ничто не уязвляет мужчину сильнее мелких женских булавочных уколов. Мы готовы к могучим ударам меча, а нас

щекочут в самых чувствительных местах!

* * *

Да, женщины опасны; но красивые не так опасны, как те, которые обладают умственными преимуществами более, чем

физическими. Ибо первые привыкли к тому, чтобы мужчины ухаживали за ними, между тем как последние идут

навстречу самолюбию мужчин и, приманивая их лестью, добывают больше поклонников.

* * *

Где кончается женщина, там начинается дурной мужчина.

* * *

Дама, уже начавшая быть немолодой.

* * *

Была ли она добродетельна, я не знаю; однако она была всегда безобразна, а безобразие у женщины – добрая половина

пути к добродетели.

* * *

Когда-то я думал, что всего ужаснее женская неверность, и, чтобы выразиться как можно ужаснее, я называл женщин

змеями. Но увы! Теперь я знаю: самое ужасное – то, что они не совсем змеи; змеи ведь могут каждый год сбрасывать

кожу и в новой коже молодеть.

* * *

Тяжело больной Гейне говорил:

– Не будь у меня жены и попугая, я бы давно покончил с собой.

ОБ ИДЕЯХ

Кадм приносит финикийскую азбуку, искусство письма, в Грецию. Это и есть те драконовы зубы, которые он посеял; возникшие из них закованные в латы люди уничтожают друг друга.

* * *

Не мы хватаем идею, идея хватает и гонит нас на арену, чтобы мы, как невольники-гладиаторы, сражались за нее. Так

бывает со всяким истинным трибуном или апостолом.

* * *

Глубочайшая истина расцветает лишь из глубочайшей любви.

* * *

Карлик, стоящий на плечах великана, может, конечно, видеть дальше, чем сам великан, особенно, если наденет очки; но для возвышенного кругозора недостает ему высокого чувства исполинского сердца.

* * *

Холодные и умные философы! Как сострадательно они посмеиваются с высоты своего величия над самоистязаниями

и безумствами какого-нибудь бедного Дон-Кихота и при всей своей школьной премудрости не замечают того, что это

донкихотство и есть самое ценное в жизни, что это сама жизнь, что это донкихотство окрыляет для смелых полетов

весь мир со всем, что в нем философствует, музицирует, пашет и зевает! Ведь вся масса народная со всеми своими

философами является, сама того не зная, не чем иным, как гигантским Санчо Пансой, который, при всей своей трезвой

боязни побоев и доморощенной разумности, следует за сумасшедшим рыцарем во всех его опасных приключениях, соблазняемый обещанной наградой, в которую верит, потому что желает ее, но еще более увлекаемый таинственной

силой, которую энтузиазм всегда пробуждает в толпе, – это мы наблюдаем во всех политических и религиозных

революциях и, пожалуй, ежедневно в самых малейших событиях.

* * *

Каждая эпоха верит в то, что ее борьба – самая важная из всех; в этом, собственно, и заключается вера каждой эпохи, с

этой верой она живет и умирает.

* * *

Каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза.

* * *

Полемика способствует выработке догмата.

* * *

Время оказывает смягчающее влияние на наши убеждения благодаря нашим постоянным столкновениям с тем, что им

противоречит. Муниципальный гвардеец, который наблюдает, чтоб не канканировали слишком бесстыдно, в конце

концов перестает находить канкан столь неприличным и не прочь даже присоединиться к пляске. Протестант после

долгой полемики с католицизмом перестает воспринимать его как нечто столь ужасное и, быть может, не без

удовольствия прослушал бы мессу.

ОБ ИСКУССТВЕ

В искусстве форма все, материал ничего не стоит. Штауб берет за фрак, сшитый из собственного сукна, столько же, сколько за фрак, сшитый из сукна заказчика. Он говорит, что требует плату за фасон, материю же дарит.

* * *

Моим девизом остается: искусство есть цель искусства, как любовь есть цель любви и даже как самая жизнь есть цель

жизни.

* * *

Дагерротипия свидетельствует против ложного взгляда, будто искусство подражает природе. Природа здесь сама

доставила доказательство того, как мало она понимает в искусстве, каким жалким получается все у нее, когда она

начинает заниматься искусством.

* * *

Я бываю в опере, чтобы любоваться лицами прекрасных итальянок. Правда, они и вне театра достаточно красивы, и

дотошный исследователь, основываясь на их безупречных чертах, без труда докажет влияние художеств на телесные

свойства итальянского народа. Природа взяла у художников то богатство, которым некогда судила их, и что же! –

капитал великолепным образом оправдал себя.

* * *

Такую роль играет в искусстве имя мастера. Если принц надевает перстень с богемской стекляшкой, ее будут

принимать за бриллиант, а если бы нищий стал носить перстень с бриллиантом, все-таки решили бы, что это – просто

стекло.

* * *

Теперь не строят готических соборов. В былое время у людей были убеждения; у нас, современников, есть лишь

мнения; а мнения мало для того, чтобы создать готический храм.

* * *

Мы понимаем развалины не ранее, чем сами становимся развалинами.

* * *

Мастерство колорита рождается в душе художника и зависит от единства его чувств.

* * *

Лессинг говорит: «Если Рафаэлю отрезать руки, он все же останется живописцем». Точно так же мы могли бы сказать:

«Если господину **отрезать голову, он все же остался бы живописцем», – он продолжал бы писать и без головы, и никто бы не заметил, что головы у него и вовсе нет.

* * *

О Марии Магдалине на картине Паоло Веронезе «Христос»:

Она так прекрасна, что боишься, как бы ее, чего доброго, не совратили еще раз.

* * *

Цветущее тело на картинах Тициана – ведь это сплошное протестантство. Бедра его Венеры – это тезисы, гораздо

более убедительные, чем те, которые были прибиты немецким монахом на дверях виттенбергской церкви.

* * *

Она выглядит как Венера Милосская: очень старая, без зубов и с белыми пятнышками на желтой коже.

* * *

Я никогда бы не добился такого успеха у муз, если бы они не были женщинами. Разумеется, и эти дамы заставляют

меня теперь часто чувствовать их капризы, но, право же, они презабавные создания. Эти старые девы в юности были

красавицами и пользовались правами гражданства в Афинах, а летом отдыхали на даче в Фессалии и отказывали

самым лучшим женихам. Когда же они постарели, никто уже не хотел на них жениться. Они, нищенки, мечтают по

всему миру, и одна из них в отчаянии хотела недавно выйти за богатого еврея, который готов был жениться на ней

только из тщеславия, но, как я слышал, сватовство расстроилось.

ОБ ИСТОРИИ

Уже в том яйце, что высиживала Леда, была заключена вся Троянская война.

* * *

Когда уходят герои, на арену выступают клоуны.

* * *

Историки, которые сами хотят делать историю, похожи на немецких актеров, одержимых страстью самим сочинять

пьесы.

* * *

Илиада, Платон, Марафонская битва, Моисей, Венера Медицейская, Страсбургский собор, французская революция, Гегель, пароходы и т.д. – все это отдельные удачные мысли в творческом сне Бога. Но настанет час, и Бог проснется, протрет заспанные глаза, усмехнется – и наш мир растает без следа, да он, пожалуй, и не существовал вовсе.

* * *

Начиная с тех дней при Креси и Пуатье и вплоть до Ватерлоо, триумфы англичан всегда были позором для

человечества. Клио все-таки женщина; несмотря на свою беспристрастную холодность, она равнодушна к

рыцарству и к героизму, и я уверен, что лишь с сокрушенным сердцем она заносит на свои скрижали победы англичан.

* * *

Пока мы читаем о революциях в книгах, все это очень красиво на вид, подобно пейзажам, искусно выгравированным

на белой веленовой бумаге: они так чисты, так приветливы; однако потом, когда рассматриваешь их в натуре, они, быть может, и выигрывают в смысле своей грандиозности, но в деталях представляют очень грязное, мерзкое зрелище; навозные кучи, выгравированные на меди, не имеют запаха, и через выгравированное на меди болото легко пройти

при помощи глаз.

* * *

Грубая память народов хранит только имена их притеснителей да свирепых героев войны. Дерево человечества

забывает о тихом садовнике, который пестовал его в стужу, поил в засуху и оберегал от вредителей; но оно верно

хранит имена, безжалостно врезанные в его кору острой сталью.

* * *

Каждая пядь, на которую продвигается человечество, стоит потоков крови. Не слишком ли это дорого? Разве жизнь

отдельного человека не столь же ценна, как и жизнь целого поколения? Ведь каждый отдельный человек – целый мир, рождающийся и умирающий вместе с ним, под каждым надгробным камнем – история целого мира.

* * *

Об историке Леопольде Ранке:

У него был приятный талант – он умел вырезать маленькие исторические фигурки и живописно приклеивать их

одну возле другой.

О КАТОЛИЦИЗМЕ

Если твой глаз соблазняет тебя – вырви его. Если рука твоя соблазняет тебя – отруби ее. Если язык твой соблазняет

тебя – откуси его. А если тебя соблазняет твой разум, то стань католиком.

* * *

Вступив в храм, я почувствовал телесную и душевную свежесть от приятно веявшей внутри прохлады. Что бы ни

говорили, а католицизм – хорошая религия в летнее время.

* * *

В самом Париже христианство прекратило свое существование с революцией и уже раньше потеряло здесь всякое

реальное значение. Оно притаилось, это христианство, в отдаленном уголке церкви, насторожилось, словно паук, и

время от времени стремительно выскакивает, когда можно схватить дитя в колыбели или старца в гробу. Да, только два

раза в жизни француз попадал во власть католического священника – при появлении на свет и при разлуке с ним.

* * *

Лютер не понял, что идея христианства – полное уничтожение чувственности – слишком сильно противоречит

человеческой природе, чтобы эта идея могла когда-либо быть полностью осуществлена в жизни; он не понял, что

католичество было как бы конкордатом между Богом и дьяволом, то есть между духом и материей, что тем самым

провозглашалось единодержавие духа в теории, но материи предоставлена была возможность пользоваться на

практике всеми ее аннулированными правами.

* * *

Вообще очень хорошо, когда женщины привержены какой-нибудь положительной религии. Не стану обсуждать

вопрос, более ли верны мужьям жены евангелического вероисповедания. Во всяком случае, католичество жен весьма

благодетельно для мужей. Согрешив, женщины не слишком долго сокрушаются и, как только получают от священника

отпущение, вновь весело расппевают и не портят мужу ни хорошего настроения, ни супа унылыми размышлениями о

грехе, искупить который они, – не будь он им отпущен, – старались бы до конца своих дней посредством злой

чопорности и сварливой архидобродетели.

* * *

Еще и в другом отношении полезна здесь исповедь: грешница не так долго носится с гнетущей мыслью о своей

ужасной тайне, и так как женщины должны в конце концов все выболтать, то лучше, чтобы они в некоторых вещах

признавались своему духовнику, чем подвергались опасности внезапно и в порыве нежности, или словоохотливости, или угрызений совести сделать роковое признание бедному супругу!

* * *

Маркиз стал теперь добрым католиком, он строго выполняет обряды единоспасающей церкви и даже держит при себе, бывая в Риме, особого капеллана, по той же причине, по которой он содержит в Англии лучших рысаков, а в Париже –

самую красивую танцовщицу.

* * *

О католическом крестном ходе в Италии:

Всякий раз, когда я вижу такой крестный ход, где под горделивым эскортом войск уныло и скорбно шествует

духовенство, меня охватывает болезненное чувство, и мне начинает казаться, что я вижу, как нашего Спасителя ведут

на место казни в сопровождении копьеносцев.

* * *

Педагогика была специальностью иезуитов, и хотя они хотели заниматься ею в интересах своего ордена, однако не раз

страсть к самой педагогике, сохранившаяся в них, все же брала верх; они забывали свою цель – подавление разума в

пользу веры, и вместо того чтобы, согласно своему намерению, делать людей снова детьми, они, наоборот, вопреки

собственной воле, своим обучением делали детей людьми.

Величайшие люди революции вышли из иезуитских школ.

О КРЕЩЕНИИ ЕВРЕЕВ

Пристать к Христу – задача для еврея слишком трудная: сможет ли он когда-нибудь уверовать в божественность

другого еврея?

* * *

Свидетельство о крещении служит входным билетом к европейской культуре.

* * *

В сущности, берлинцы совершенно не христиане, да и чересчур разумны, чтобы всерьез исповедовать христианство.

Но поскольку они знают, что оно необходимо в государстве для того, чтобы подданные смиренно повиновались и, кроме того, чтобы не слишком много было краж и убийств, постольку они пытаются путем всяческого красноречия, по

крайней мере, обращать в христианство своих ближних; они, так сказать, подыскивают себе заместителей в религии, которую им желательно поддержать и строгие правила которой им самим в тягость. В своем затруднительном

положении они пользуются рвением бедных евреев; этим последним приходится вместо них быть христианами, а так

как народ этот ради денег и доброго слова готов на все, то сейчас евреи уже до такой степени вошли во вкус

христианства, что изрядно ополчаются, как положено, против неверия, бьются не на живот, а на смерть за Святую

Троицу, и во время летних каникул даже и верят в нее, как нельзя лучше закатывают глаза в церквях, строят самые

святошеские физиономии и вообще набожничают с таким успехом, что кое-где начинает уже зарождаться

профессиональная зависть, и старшие мастера этого ремесла втайне жалуются: христианство-де перешло сейчас

целиком в руки евреев.

* * *

Остерегайтесь поощрять крещение среди евреев. Это всего-навсего вода, и она легко высыхает. Наоборот, поощряйте

обрезание – это вера, врезанная в плоть; в дух ее уже невозможно врезать.

* * *

В письме Мозесу Мозеру:

Кон уверяет меня, что [2](#) Ганс проповедует христианство и пытается обратить сынов Израиля. Если он делает это по

убеждению, то он дурак; если он делает это из лицемерия, то он подлец. Я, конечно, не перестану любить Ганса, но

тем не менее признаюсь, что мне было гораздо приятнее, если бы вместо этой новости я узнал, что Ганс украл

серебряные ложки. Мне было бы очень жаль, если бы мое собственное крещение явилось тебе в благоприятном свете.

Уверяю тебя, если бы законы разрешали кражу серебряных ложек, то я бы не крестился.

О КРИТИКЕ

Критики подобны привратникам перед входом на придворный бал: они могут пропустить достойных и задержать

дурно одетых и не имеющих входного билета, но войти внутрь они не могут.

* * *

Когда глаза критика отуманены слезами, его мнение немногого стоит.

* * *

Он критик не для больших, а для мелких писателей – под его лупой не помещаются киты, но зато помещаются

интересные блохи.

* * *

Он разглядывает мелких писателей в увеличительное стекло, а великих – в уменьшительное.

* * *

Чтобы довершить малодушный характер Гамлета, Шекспир в беседе его с комедиантами изображает его хорошим

театральным критиком.

О ЛИТЕРАТУРЕ

Мы не властители, а слуги слова.

* * *

Только у гения есть для новой мысли и новое слово.

* * *

Великий гений образуется с помощью другого гения не столько ассимиляцией, сколько посредством трения.

* * *

В литературе, как и в жизни, каждый сын имеет своего отца, которого он, однако, не всегда знает или от которого он

даже хотел бы отречься.

* * *

В литературе, как в диких лесах Северной Америки, сыновья убивают отцов, когда те становятся стары и слабы.

* * *

История литературы – это большой морг, где всякий отыскивает покойников, которых любит или с которыми состоит в

родстве.

* * *

Правило, согласно которому писателя можно узнать по его манере письма, имеет не безусловное значение; оно может

быть применено только к той массе авторов, пером которых, когда они пишут, водит лишь минутное вдохновение и

которые скорее подчиняются слову, чем повелевают им. К художникам этот принцип неприменим, ибо они – мастера

слова и умеют пользоваться им для любой цели, чеканят его по своему произволу, пишут объективно, и характер не

Эдуард

обнаруживается в их стиле.

* * *

Книге необходимы сроки, как ребенку. Все наскоро, в несколько недель написанные книги возбуждают во мне

известное предубеждение против автора. Порядочная женщина не производит ребенка на свет до истечения девятого

месяца.

* * *

Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо.

* * *

Ауффенберга я не читал. Полагаю, что он напоминает Арленкура, которого я тоже не читал.

* * *

В произведениях некоторых модных писателей мы находим сыскные приметы природы, но никак не ее описание.

* * *

Портрет автора, предшествующий его сочинениям, невольно вызывает в моей памяти Геную, где перед больницей для

душевнобольных стоит статуя ее основателя.

* * *

Когда сходятся кухарки, они говорят о своих господах, а когда сходятся немецкие авторы, они говорят о своих

издателях.

* * *

Демократия влечет за собою гибель литературы: свободу и равенство
стиля. Всякому-де дозволено писать все, что

угодно и как угодно скверно, и все же никто не имеет права превзойти
другого в стиле и посметь писать лучше его.

* * *

Истинный демократ пишет, как народ, – искренне, просто и скверно.

* * *

Историю литературы так же трудно писать, как и естественную
историю. Как здесь, так и там уделяется внимание

особо выдающимся явлениям. Но как в маленькой рюмке воды
заключается целый мир необычайных маленьких

зверюшек, которые так же свидетельствуют о могуществе Божьем, как
и величайшие бестии, так самый маленький

альманах муз подчас содержит в себе громадное множество мелких
стихоплетов, которые представляются

внимательному исследователю не менее интересными, чем
величайшие слоны литературы. Воистину велик Господь!

О ЛЮБВИ

В любви, как и в римско-католической религии, существует
предварительное чистилище, в котором, прежде чем

попасть в подлинный вечный ад, привыкаешь к тому, что тебя
поджаривают.

* * *

К сожалению, никогда нельзя точно установить, когда именно любовь
приобретает наибольшее сходство с адом и

когда – с раем, подобно тому как не знаешь, переряженные ли чертями ангелы встречают тебя там или, пожалуй, черти

могут иной раз оказаться переряженными ангелами.

* * *

Какая ужасная болезнь – любовь к женщине! Тут не помогает никакая прививка. Очень разумные и опытные врачи

рекомендуют перемену мест и полагают, что с удалением от чародейки рассеиваются и чары. Гомеопатический

принцип, согласно которому от женщины нас излечивает женщина, пожалуй, более всего подтверждается опытом.

* * *

Самое действенное противоядие против женщин – это женщины; правда, это означает изгонять Сатану Вельзевулом, и

к тому же такое лекарство часто пагубнее самой болезни.

* * *

Волшебная формула, которой наши красные и синие мундиры чаще покоряют женские сердца, чем своей усатой

галантностью: «Завтра я уеду и, вероятно, никогда не вернусь».

* * *

Женская ненависть, собственно, та же любовь, только переменившая направление.

* * *

Я не дерзаю ни в малейшей степени порицать Шекспира и хотел бы лишь выразить удивление по поводу того, что он

заставил Ромео пережить страсть к Розалинде, прежде чем привел его к Джульетте. А может быть, вторая любовь у

мужчины сильнее именно потому, что она неразрывно связана с ясным самосознанием.

* * *

Всякий, кто женится, подобен дождю, сочетающемуся браком с Адриатическим морем: он не знает, что скрывается в

той, кого он берет в жены, – сокровища, жемчуга, чудовища, неизведанные бури?

О МСТИ И ПРОЩЕНИИ

Оскорбивший никогда не простит. Простить может лишь оскорбленный.

* * *

Легко прощать врагов, когда не имеешь достаточно ума, чтобы вредить им, и легко быть целомудренному человеку с

прыщеватым носом.

* * *

Я не мстителен – я очень хотел бы любить своих врагов; но я не могу их полюбить, пока не отомщу, – только тогда

открывается для них мое сердце. Пока человек не отомстил, в сердце его все еще сохраняется горечь.

* * *

Я знал сарматское изречение: «Руку, которую еще не собираешься отрубить, нужно целовать...»

* * *

Я человек самого мирного склада. Вот чего я хотел бы: скромная хижина, соломенная кровля, но хорошая постель, хорошая пища, очень свежее молоко и масло, перед окном цветы, перед дверью несколько прекрасных деревьев, и, если господь захочет вполне осчастливить меня, он пошлет мне радость – на этих деревьях будут повешены этак

шесть или семь моих врагов. Сердечно растроганный, я прощу им перед их смертью все обиды, которые они мне

нанесли при жизни. Да, надо прощать врагам своим, но только после того, как их повесят.

* * *

Иных надо бить палками при жизни. После смерти их нельзя наказывать, нельзя опозорить: они не оставляют имени.

* * *

О журналистах, сообщавших о Гейне заведомые небылицы, – например, что он помещен в сумасшедший дом: Чем эта пакость мельче, тем труднее к ней подступить. Вот ведь что: блоху не заклеишь!

О МУЗЫКЕ И ТЕАТРЕ

Сущность музыки – откровение, о ней нельзя дать никакого отчета, и подлинная музыкальная критика есть наука, основанная на откровении.

* * *

Мы не знаем, что такое музыка. Но что такое хорошая музыка, это мы знаем, и еще лучше знаем, что такое плохая

музыка; ибо последнюю нам приходится слушать чаще.

* * *

Унылые звуки органа, последние вздохи умирающего христианства.

* * *

В других странах есть музыканты, равные крупнейшим итальянским знаменитостям, но народа, музыкального в

целом, там нет. Здесь, в Италии, музыку представляют не отдельные личности, она звучит во всей нации, музыка стала

нацией. У нас на севере дело обстоит совсем иначе; там музыка стала человеком и зовется Моцартом или Мейербером.

* * *

Мейербер бессмертен, то есть он будет таковым, пока жив.

* * *

Музыка свадебного шествия всегда напоминает мне военный марш перед битвой.

* * *

Затем Лист сыграл «Шествие на казнь» Берлиоза, великолепный опус, который, если не ошибаюсь, был сочинен

молодым музыкантом в утро своей свадьбы.

* * *

Главная задача постановщика оперы – устроить так, чтобы музыка никому не мешала.

* * *

Французский балет родственен по духу расиновским трагедиям и садам Ленотра. Здесь господствуют та же

размеренность, те же формы этикета, та же придворная холодность, то же нарядное равнодушие, то же целомудрие.

* * *

Галлер замечает, что актеры играют тем лучше, чем хуже пьеса.

* * *

Превозносят драматурга, исторгающего слезы у зрителя; этот талант он делит с луковицей.

* * *

Театр неблагоприятен к поэтам.

* * *

Бальзак однажды сказал Гейне, что хочет писать для театра.

– Берегитесь, – ответил Гейне, – тот, кто привык к Бресту, не приживается в Тулоне; оставайтесь-ка на своей каторге.

(В Бресте и Тулоне находились лагеря галерников.)

* * *

Доктор Груби, желая установить, насколько поражены параличом мышцы рта у Гейне, спросил его, может ли он

свистеть.

– Доктор, я не могу освистать даже худшую пьесу Скриба! – ответил поэт.

О НАПОЛЕОНЕ

Наполеон не из того дерева, из которого делают королей: он из того мрамора, из которого делают богов.

* * *

Бонапарту, который мог стать Вашингтоном Европы, а стал всего лишь ее Наполеоном, всегда было не по себе в

пурпурной императорской мантии. Свобода, как призрак убитой матери, преследовала его, он повсюду слышал ее

голос.

* * *

Он был Моисеем французов; как тот таскал свой народ взад и вперед по пустыне, чтобы дать ему возможность

успешно пройти курс лечения, так и Наполеон гонял французов по Европе.

* * *

Чем ближе к Наполеону стояли люди, тем больше восхищались им. С другими героями происходит обратное.

* * *

О врагах Наполеона:

Они поносят его, но всегда с известной почтительностью: когда правой рукой они кидают в него дерьмо, левая тянется

к шляпе.

* * *

Люди удивляются, по какой причине наши монархи доживают до такой старости. Но ведь они боятся умереть, они боятся в

загробном мире снова повстречаться с Наполеоном. * * *

*Что особенно сердит, так это мысль, что Веллингтону предстоит такое же бессмертие, как и Наполеону Бонапарту.

Ведь сохранилось таким же образом имя Понтия Пилата наряду с именем Христа.

* * *

В том, что я стал христианином, повинны те саксонцы, которые под Лейпцигом внезапно перебежали к противнику, или Наполеон, которому вовсе ведь незачем было ходить в Россию, или его учитель, который преподавал ему в

Бриенне географию и не сказал, что в Москве зимою очень холодно.

(Гражданское равноправие евреев, введенное в Рейнской области французами, было отменено после падения

Наполеона.)

О НАРОДЕ

О, у народа, этого бедного короля в лохмотьях, нашлись льстецы, кадившие ему гораздо более бесстыдно, чем

царедворцы Византии или Версаля. Эти придворные лакеи народа непрерывно прославляют его достоинства и

добродетели и восторженно восклицают: «Как прекрасен народ! Как добр народ! Как разумен народ!» Нет, вы лжете!

Бедный народ не прекрасен; наоборот, он очень безобразен. Но безобразие это возникло от грязи и исчезнет вместе с

нею, когда мы построим общественные бани, где его величество народ будет иметь возможность мыться бесплатно.

Народ, доброта которого так прославляется, совсем не добр; иногда он так же зол, как некоторые другие самодержцы.

* * *

Я не выношу табачного дыма, роль немецкого революционного говоруна во вкусе Бёрне и компании мне не подходит.

Я вообще заметил, что карьера немецкого трибуна не усыпана розами, и менее всего розами опрятными. Так, например, всем этим слушателям, «милым братьям и кумовьям», надо очень крепко пожимать руку. Когда Бёрне

уверяет, что, если бы король пожал ему руку, он сразу же сунул бы ее в очистительный огонь, слова его, быть может, имеют метафорический смысл, но я утверждаю отнюдь не аллегорически, а совершенно буквально, что если народ

пожмет мне руку, я сразу же ее вымою.

* * *

Мы готовы принести себя в жертву ради народа, ибо самопожертвование относится к утонченнейшим нашим

наслаждениям, – освобождение народа было великой задачей нашей жизни, и мы боролись и терпели за него

несказанные страдания на родине и в изгнании, – но чистоплотная, чувствительная природа поэта противится всякому

личному соприкосновению с народом, и еще сильнее трепещем мы при мысли о его ласках, от которых избави нас

боже!

* * *

Демагогия, Священный союз народов.

* * *

Мы боремся не за человеческие права народа, но за божественные права человека.

О ПАРИЖЕ

Франция напоминает сад, где прекраснейшие цветы сорваны для того, чтобы из них можно было сделать букет, и имя

этому букету – Париж. Правда, сейчас он уже не благоухает так сильно; все же он по-прежнему еще достаточно

прекрасен, чтобы по-свадебному красоваться на груди у Европы.

* * *

Франция – это Париж. Что думает провинция – так же важно, как то, что думают наши ноги.

* * *

О французских провинциалах:

Все они похожи на верстовые столбы: на лбах этих людей обозначено большее или меньшее их отдаление от столицы.

* * *

Если бы в Париже в самом деле были привидения, то я убежден, что, при общительности французов, они бы даже в

виде привидений собирались в кружки, устраивали бы балы привидений; они основали бы кафе мертвецов, издавали

бы газету мертвецов, парижское обозрение мертвецов, и вскоре появились бы вечеринки мертвецов. Я убежден, что

здесь, в Париже, привидения развлекались бы больше, чем у нас развлекаются живые.

* * *

Бедный Робеспьер! Ты хотел ввести республиканскую строгость в Париже – в городе, где сто пятьдесят тысяч

модисток и сто пятьдесят тысяч парикмахеров правят свое смеющееся, вьющееся и благоухающее ремесло!

* * *

Парижский народ освободил мир и даже не взял за это на водку.

* * *

Когда Богу на небе скучно, он открывает окно и смотрит на парижские бульвары.

* * *

Большие ли глаза у парижанок? Кто знает? Мы не измеряем калибра пушки, которая убивает нас. Велик ли их рот? Кто

знает, где у них кончается рот и где начинается улыбка?

* * *

Если бы Монталамбер стал министром и ему захотелось бы выгнать меня из Парижа, я бы принял католичество.

«Париж стоит мессы».

О ПАТРИОТИЗМЕ И НАЦИОНАЛИЗМЕ

Нам был предписан патриотизм, и мы стали патриотами, ибо мы делаем все, что нам приказывают наши государи.

* * *

Патриотизм француза заключается в том, что сердце его согревается, от этого нагревания расширяется, раскрывается, так что своей любовью оно охватывает уже не только ближайших сородичей, но всю Францию, всю цивилизованную

страну; патриотизм немца заключается, наоборот, в том, что сердце его сужается, что оно стягивается, как кожа на

морозе, что он начинает ненавидеть все чужеземное и уже не хочет быть ни гражданином мира, ни европейцем, а

только ограниченным немцем.

* * *

Из ненависти к националистам я почти готов полюбить коммунистов.

* * *

Русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечия языческого национализма, они космополиты

или, по крайней мере, на одну шестую космополиты, поскольку Россия занимает почти шестую часть всего

населенного мира.

* * *

Странная вещь – патриотизм, настоящая любовь к родине! Можно любить свою родину, любить ее целых восемьдесят

лет и не догадываться об этом; но для этого надо оставаться дома.

Любовь к немецкой отчизне начинается только на

немецкой границе.

* * *

Немцы сейчас хлопочут над выработкой своей национальности; однако запоздали с этим делом. Когда они с ним

наконец справятся, национальное начало в мире уже перестанет существовать и им придется тотчас же отказаться и от

своей национальности, не сумев извлечь, в отличие от французов или британцев, никакой пользы из нее.

О ПОЛИТИКЕ

Тот, кто находится высоко, должен так же подчиняться обстоятельствам, как флюгер на башне.

* * *

Что меня всегда удивляло в молодости, так это то обстоятельство, что, по удушении прежнего великого визиря, всегда находились новые охотники стать великим визирем. Теперь, когда я стал несколько старше, меня

охватывает такое же изумление, когда я вижу, как после отставки одного английского премьер-министра

немедленно же его место стремится занять другой.

* * *

Долги заменяют древний рок в национальных трагедиях нашего времени.

* * *

В пользу высоких качеств республики можно было бы привести то самое доказательство, которое Боккаччо приводит в

пользу религии: она держится вопреки своим чиновникам.

* * *

Тайная ненависть высших государственных чиновников к государству подобна тайной ненависти тех знатных римлян, которым пришлось во имя сохранения своей власти стать христианскими епископами и прелатами.

* * *

Монархизм народа по существу своему состоит в том, что народ уважает авторитеты, что он верит в личности, являющиеся носителями авторитетов, что в силу этого доверия он предан и самой личности правителя.

Республиканизм народа по существу своему состоит в том, что республиканец не верит в авторитеты, что он чтит

только законы, что от их блюстителей он постоянно требует отчета, с недоверием наблюдает за ними, проверяет их, что, следовательно, он никогда не привязан к личности, а напротив, чем выше она поднимается над народом, тем

настойчивее он стремится противоречиями, насмешками и преследованиями низвести ее с высоты.

* * *

Писатель, желающий содействовать социальной революции, имеет право опережать свое время на столетие; трибун

же, ставящий себе целью революцию политическую, не должен слишком удаляться от масс. Вообще в политике, так

же как и в жизни, следует желать только достижимого.

* * *

Придворный этикет. Когда вы дубасите какого-нибудь короля, кричите во всю глотку: «Да здравствует король!»

* * *

Изображение на монете – предмет не безразличный для политики. Так как люди столь искренне любят деньги и, несомненно, любовно созерцают их, дети часто воспринимают черты того государя, который вычеканен на монете, и

на бедного государя падает подозрение в том, что он – отец своих подданных.

* * *

У народов время есть, они вечны; смертны лишь короли.

О ПОЭЗИИ И ПОЭТАХ

Поэт, этот творец в малом, подобен Господу Богу и в том, что своих героев он творит по образу своему и подобию.

* * *

В созданиях всех великих поэтов, в сущности, нет второстепенных персонажей, каждое действующее лицо есть на

своем месте главный герой.

* * *

Быть может, поэзия есть болезнь человека, как жемчуг есть, собственно, болезненный нарост, которым страдает

бедный слизняк?

* * *

Кого Юпитер хочет наказать, того он делает поэтом.

* * *

Поэзия создала больше мучеников, чем религия. История литературы любого народа и любой эпохи – настоящий

мартиролог.

* * *

Только великий поэт может понять поэзию своего времени. Поэзию прошлого легче понять.

* * *

Поэт не должен предаваться своей субъективности, он должен быть в состоянии описать ее.

* * *

Позднейшие произведения истинного поэта отнюдь не значительнее ранних; нет, первый ребенок не хуже второго, только роды потом бывают легче.

* * *

Первый, кто сравнил женщину с цветком, был великим поэтом, но уже второй был олухом.

* * *

Красивые рифмы нередко служат костылями хромым мыслям.

* * *

Цезура – это биение сердца творящего духа, ее нельзя перенять у другого, что возможно в благозвучии.

* * *

Прозаический перевод стихов – это чучело лунного света.

* * *

Переводчик по отношению к автору – то же, что обезьяна по отношению к человеку.

* * *

К чему же труд стихотворного перевода, если в нем пропадает как раз лучшее у поэта и только самое слабое поддается

передаче?

* * *

Как математик по малейшему отрезку окружности тотчас же определит всю окружность и ее центр, так же и поэту –

стоит только внести извне в его сознание малейший обрывок мира явлений – тотчас откроется связь этого явления с

целым. Он одинаково охватывает орбиты и центры вращения всех вещей; он постигает вещи в широчайшем объеме и

глубочайшем средоточии.

Мы охотно разыскиваем материалы о подлинных житейских отношениях поэта. Это любопытство тем нелепее, что,

как явствует из вышесказанного, значительность внешних событий ни в какой степени не соответствует

значительности порожденных ими творений. Эти события могут быть очень мелкими и ничтожными, и такими они

обыкновенно и бывают, как вообще очень мелка и обычно ничтожна внешняя жизнь поэтов. Я говорю: «ничтожна и

мелка», – потому что мне не хочется употреблять более оскорбительные выражения.

* * *

Нет ничего нелепее, чем обращенное к поэту требование, чтобы все свои сюжеты он черпал в самом себе – в этом-де

оригинальность. Мне вспоминается басня, где паук разговаривает с пчелой и упрекает ее в том, что она из тысячи

цветов собирает материал, из которого сооружает свои восковые постройки и приготавливает мед. «Я же, –

торжественно прибавляет он, – я сам из себя вытягиваю нити, из которых создаю свою искусную ткань».

* * *

По поводу изречения Гете «Лирика должна быть в частностях немного простовата»: Немножко глупости, понятно, требуется для поэзии, но было бы ужасно, если бы природа обременила огромной

порцией глупости, достаточной для сотни великих поэтов, одного-единственного человека, а поэзии ему отпустила

самую ничтожную дозу.

О ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

Протестантская религия чересчур уж разумна, и если бы в протестантской церкви не было органов, то она и вовсе не

была бы религией. Эта религия безвредна и чиста, как стакан воды, но и пользы от нее никакой.

* * *

О церковной реформе Лютера:

Священник становится человеком, берет жену и, согласно требованию Бога, родит детей. С другой стороны, Бог вновь

становится небесным холостяком без семьи; ставится под сомнение, является ли его сын законнорожденным; святые

получают отставку; у ангелов подрезаются крылья; Богоматерь теряет все права на корону небесную, и ей воспрещено

творить чудеса.

* * *

Германцы избрали христианство в силу духовного родства с иудейским моральным принципом, вообще с иудаизмом.

Евреи были немцами Востока, и теперь протестанты в германских странах (в Шотландии, Америке, Германии, Голландии) представляют собой не что иное, как древневосточных евреев.

* * *

Протестант – это католик, который отказался от слепого поклонения Троице и движется в сторону еврейского

монотеизма. Еврей, в свою очередь, должен встретить его на полпути. Поэтому я стал протестантом.

* * *

Лютер потряс Германию – но Фрэнсис Дрейк успокоил ее опять: он дал нам картофель.

* * *

В Германии именно богословы приканчивают Господа Бога, –
предают всегда только свои.

* * *

О немецком протестантизме начала XIX века:

Весьма просвещенное, профильтрованное и очищенное от всякого суеверия христианство без божественности Христа

– вроде черепашьего супа без черепахи.

* * *

Католический поп шествует так, словно небо – его полная собственность; протестантский же, напротив, ходит так, будто небо он взял в аренду.

* * *

Католический поп занимается своим делом как приказчик в крупной торговой фирме; церковь, этот большой торговый

дом, во главе которого стоит Папа, дает ему определенное назначение и уплачивает определенную мзду; он работает

спустя рукава, как и всякий, кто работает не за свой счет, имеет много сослуживцев и легко остается незамеченным в

сутолоке большого торгового заведения, он заинтересован только в кредитоспособности фирмы и существовании ее, так как, в случае банкротства, может лишиться жалованья.

Протестантский же поп, напротив, сам повсюду является хозяином и ведет дело религии за свой счет. Он не

занимается оптовой торговлей, как его католический сотоварищ, а только розничной; и так как он сам представляет

свое предприятие, то ему нельзя работать спустя рукава; ему приходится расхваливать перед людьми свой символ

веры и хулить товары своих конкурентов; как истый розничный торговец, он в дверях своей лавчонки стоит полный

чувства профессиональной зависти ко всем крупным фирмам, в особенности же к большой римской фирме, насчитывающей много тысяч бухгалтеров и упаковщиков и располагающей факториями во всех четырех частях света.

О РОТШИЛЬДЕ

Основную армию врагов Ротшильда составляют те, кто ничего не имеет; все они думают: «Чего нет у нас, есть у

Ротшильда». К ним присоединяется толпа тех, кто потерял состояние; вместо того чтобы отнести потерю за счет

собственной глупости, они обвиняют в пронырливости тех, кто сохранил свое состояние. Чуть у кого иссякли деньги,

он становится врагом Ротшильда.

* * *

Коммунист, который хочет, чтобы Ротшильд поделил с ним свои триста миллионов. Ротшильд посылает ему его долю, составляющую девять су. «А теперь оставьте меня в покое».

* * *

Когда Гейне спросили, почему он перешел в протестантство, он ответил:

– Что вы хотите? Я нашел, что мне не по силам придерживаться той же религии, что и Ротшильд, не будучи столь же

богатым, как он.

* * *

Однажды зашел разговор о том, что вода Сены в Париже очень грязная и мутная.

– Но я видел Сену у ее истоков – там она чиста и прозрачна, как хрусталь, – сказал Джеймс Ротшильд, глава

Парижского дома Ротшильдов.

– Ваш отец, наверное, тоже был очень порядочным человеком, барон, – заметил Гейне.

(Эта история скорее всего не более чем анекдот.)

О СВОБОДЕ

Любовь к свободе – цветок темницы, и только в тюрьме чувствуешь цену свободы.

* * *

То было скорбное признание, когда Максимилиан Робеспьер сказал: «Я раб свободы».

* * *

Страсть к угнетению лежит в природе человека, и если даже мы, как теперь постоянно водится, жалуемся на

гражданское неравенство, то глаза наши обращены все же кверху: мы видим только тех, кто выше нас и чьи

привилегии нас оскорбляют; жалуясь сами, мы никогда не смотрим вниз; нам никогда не приходит в голову поднять до

себя тех, кто в силу обычного бесправия поставлен еще ниже, чем мы; нас даже сердит, когда и они стремятся вверх, и

мы бьем их по головам. Франкфуртский обыватель недоволен привилегиями дворянства, но еще больше недоволен, когда ему предлагают эмансипировать франкфуртских евреев.

* * *

Собака в наморднике лает задом.

* * *

Англичанин любит свободу, как свою законную жену; он обладает ею, и если обращается с ней не очень нежно, то все-таки, в случае нужды, умеет защитить ее как мужчина, и горе тому молодцу в красном мундире, который проберется в

ее священную спальню в качестве любовника или соглядатая – все равно. Француз любит свободу, как свою

избранницу и невесту. Он горит любовью к ней, пламенеет, бросается к ее ногам с самыми преувеличенными

уверениями, бьется за нее на жизнь и на смерть, совершает ради нее тысячи безумств.

Немец любит свободу, как свою старую бабушку. Он всегда оставит ей местечко у очага, где она сможет рассказывать

сказки насторожившимся детям. Если когда-нибудь, боже упаси, свобода исчезнет в целом мире, немецкий мечтатель

вновь откроет ее в своих мечтах.

* * *

Нынешние герои швейцарской свободы напоминают мне зайцев, которые на ярмарках стреляют из пистолетов, повергают всех детей и крестьян в изумление своей храбростью и все-таки остаются зайцами.

* * *

Слуги, не имеющие господина, не становятся от этого свободными людьми – лакейство у них в душе.

О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ

О, это не преувеличение, когда поэт в порыве скорби восклицает:
«Жизнь – болезнь, и весь мир больница!»

И смерть наш врач. По крайней мере, следует отдать ей должное – она
всегда под рукой и, несмотря на большую

практику, не заставляет долго себя ждать, когда к ней обращаются.

* * *

О посмертных гипсовых масках:

Все гипсовые лица объединяет одна загадочная черта, при длительном
созерцании нестерпимо леденящая душу: у

всех у них вид людей, которым предстоит тяжкий путь. – Куда?

* * *

Надо быть очень тщеславным и притязательным, чтобы, испытав в
этом мире столько хорошего и прекрасного, требовать сверх того от
Господа Бога еще и бессмертия. Человек, этот аристократ среди
животных, считающий себя

выше всех других тварей, не прочь выхлопотать себе и эту привилегию
вечности перед тронном Всемогущего путем

почтительнейших славословий, песнопений и коленопреклонений.

* * *

Бог не открыл нам ничего, что бы указывало на продолжение
существования после смерти; и Моисей тоже не говорит

об этом. Быть может, Бога вовсе не устраивает, что благочестивые так
твердо верят в продолжение существования. В

своей отеческой благодати он, быть может, не прочь сделать нам
сюрприз.

* * *

В древности не существовало веры в призраки. Труп сжигали, человек уносился ввысь в виде дыма, он растворялся в

самой чистой, самой духовной стихии, в огне. Христиане (в насмешку или в знак презрения?) возвращают тело

земле, – оно подобно зерну и прорастает снова в качестве призрака (сеется физическое тело, прорастает духовное), сохраняя ужас тления.

* * *

За несколько лет до смерти:

Я прожил прекрасную жизнь. Ужасно умирание, а не смерть, если смерть вообще существует. Смерть – это, может

быть, последний предрассудок.

ОБ УЧЕНЫХ

О Геттингенском и Болонском университетах:

Оба университета отличаются один от другого тем простым обстоятельством, что в Болонье самые маленькие собаки и

самые большие ученые, а в Геттингене, наоборот, самые маленькие ученые и самые большие собаки.

* * *

Жители Геттингена делятся на студентов, профессоров, филистеров и скотов, причем эти четыре сословия отнюдь не

строго между собой разграничены.

* * *

Наибольшего он достиг в невежестве.

* * *

Некая девушка решила: «Это, должно быть, очень богатый господин, раз он так безобразен». Публика рассуждает так

же: «Это, должно быть, очень ученый человек, раз он такой скучный». Отсюда успех многих немцев в Париже.

* * *

Ни один человек не думает; только от времени до времени ему непроизвольно впадает что-либо в голову, и это он

называет мыслями и чередование этого – мышлением.

* * *

Быть нужно либо ремесленником, либо филологом, – ведь штаны всегда будут нужны людям и всегда будут

существовать школьники, которым необходимо склонять и спрягать.

* * *

Один Якоб Гримм сделал для языкознания больше, чем вся ваша Французская академия со времен Ришелье. Его

«Немецкая грамматика» – исполинское создание, поэтический собор, под сводами которого все германские племена, словно гигантские хоры, поднимают голоса, каждое на своем наречии. Якоб Гримм, быть может, продал душу черту, чтобы тот доставил ему материалы и был пособником в этом необъятном лингвистическом сооружении. В самом деле, человеческой жизни и человеческого терпения не могло хватить, чтобы собрать эти глыбы учености и чтобы скрепить

их воедино цементом из сотен тысяч цитат.

О ФИЛОСОФАХ

Достойно удивления, что супруг Ксантиппы мог стать таким великим философом. Среди этаких дрызг – да еще

думать! Но *писать* он не мог, это было невозможно: после Сократа не осталось ни одной книги.

* * *

Вольтер, услужливо носивший светильник впереди великих мира, этим же светильником освещал и их наготу.

* * *

Едкий смех Вольтера должен был прозвучать прежде, чем ударит топор Сансона [3](#). Однако как этот топор, так и тот

смех, по сути дела, ничего не доказали, а только что-то осуществили.

* * *

Руссо – звезда, смотрящая с высоты; он любит людей сверху.

* * *

О Гегеле:

Однажды в прекрасный звездный вечер стояли мы вдвоем у окна, и я, двадцатидвухлетний юнец, только что хорошо

поужинавший и напившийся кофе, мечтательно говорил о звездах и назвал их обителью блаженных. Но учитель

проворчал себе под нос: «Звезды, гм, гм! Звезды – только светящаяся сыпь на небе!» – «Ради Создателя! – воскликнул

я. – Значит, там, наверху, нет блаженной обители, где бы после смерти нам воздавалось за добродетель?» Но он, неподвижно устремив на

меня свои бесцветные глаза, резко ответил: «Вы хотите, стало быть, еще получить на чай за

то, что ухаживали за больной матерью и не отравили родного брата?»

* * *

Зпалача в годы якобинского террора

Когда однажды я возмутился положением «все действительное – разумно», он 4 странно улыбнулся и заметил: «Можно

бы сказать также: все разумное должно быть действительным».

* * *

Наши философы не перестают жаловаться, что их не понимают. Лежа на смертном одре, Гегель сказал: «Только один

меня понял», – но тотчас вслед за тем раздраженно добавил: «Да и тот меня тоже не понимал».

* * *

Иммануил Кант штурмовал небо, он перебил весь гарнизон, сам верховный владыка небес, не будучи доказан, плавает

в своей крови; нет больше ни всеобъемлющего милосердия, ни отеческой любви, ни потустороннего воздаяния за

посюстороннюю помощь, бессмертие души лежит при последнем издыхании – тут стоны, там храпение – и старый

Лампе 5 в качестве удрученного зрителя стоит рядом, с зонтом под мышкой, и холодный пот и слезы струятся по его

лицу. Тогда Иммануил Кант разжалобился и показал, что он не только великий философ, но и добрый человек; и он

задумывается и полудобродушно-полуиронически говорит: «Старому Лампе нужен Бог, иначе бедняк не будет

счастлив, – а человек должен быть счастлив на земле – так говорит практический разум, – так уж и быть – ну, пусть

практический разум дает поруку в бытии Божьем».

* * *

О французском философе Кузене:

Он клеветает на себя, пытаясь уверить нас, что он заимствовал многое из философии Шеллинга и Гегеля. Я должен

взять господина Кузена под защиту от этого самообвинения. Честное и благородное слово! Этот честнейший человек

ни одной ничтожнейшей мелочи не украл из философии господ Шеллинга и Гегеля, и если он привез домой что-нибудь на память от них обоих, то это была исключительно их дружба. Но психология полна примерами таких ложных

самообличений. Я встречал человека, который признавался, что, будучи за столом у короля, украл серебряную ложку, и, однако, все мы знали, что бедняга не имеет доступа ко двору и обвиняет себя в воровстве ложки лишь для того, чтобы уверить нас, будто был гостем во дворце.

* * *

Философы в своей борьбе против религии разрушили язычество. но тогда возникла новая религия – христианство. С

последнею тоже будет скоро покончено, но тогда, верно, явится еще новая, и философам будет задана новая работа, и

опять-таки она окажется бесплодной.

О ФРАНЦИИ И ФРАНЦУЗАХ

Французский народ – это кошка, которая, даже если ей случается свалиться с опаснейшей высоты, все же никогда не

ломает себе шею, а, наоборот, каждый раз сразу же становится на ноги.

* * *

Французский язык в сущности беден, но французы умеют использовать все, что в нем имеется, в интересах

разговорной речи, и поэтому они на деле богаты словом.

* * *

Мы, немцы, поклоняемся только девушке, и только ее воспевают наши поэты; у французов, наоборот, лишь замужняя

женщина является предметом любви как в жизни, так и в искусстве.

* * *

Французы в состоянии еще с грехом пополам понять солнце, но никак не луну, и еще меньше – блаженные рыдания и

меланхолически-восторженные трели соловьев...

* * *

Французы более уверены в обращении с людьми именно потому, что они положительны, а не мечтательны. Какой-нибудь мечтательный немец скорчит тебе в одно прекрасное утро мрачную физиономию, потому что ему приснилось, что ты его обидел или что его дедушка когда-то получил пинок ногой от твоего дедушки.

* * *

Французы – придворные актеры господ бога, превосходная труппа, и вся французская история кажется мне иногда

большой комедией, представленной, однако, в бенефис человечества.

* * *

После получения известий об Июльской революции 1830 года во Франции: То были солнечные лучи, завернутые в газетную бумагу.

* * *

Иногда мне кажется, что головы французов, совершенно как их кафе, сплошь увешаны внутри зеркалами, так что

всякая идея, попадающая в их голову, отражается там бесчисленное множество раз: оптическое устройство, посредством которого самые ограниченные и бедненькие головы представляются обширными и блестящими. Эти

лучезарные головы, так же как сверкающие кафе, обычно совершенно ослепляют бедных немцев, когда они впервые

4Гегель

5слуга Канта

попадают в Париж.

* * *

Во Франции жажда нравиться столь велика, что всякий стремится быть приятным не только друзьям, но и врагам.

Здесь вечно во что-то драпируются, чем-то красуются, и женщины из сил выбиваются, дабы перещегоолять мужчин в

кокетстве. Это им все-таки удается.

* * *

Во Франции нет атеистов, к Господу Богу не осталось уважения даже настолько, чтобы кто-нибудь утруждал себя его

отрицанием.

* * *

Восславим французов! Они позаботились об удовлетворении двух величайших потребностей человеческого общества

– о хорошей пище и о гражданском равенстве: в поварском искусстве и в деле свободы они достигли величайших

успехов, и когда мы, как равноправные гости, соберемся на великом пиру примирения, в хорошем расположении

духа, – ибо что может быть лучше общества равных за богатым столом? – то первый тост мы провозгласим за

французов.

О ХРИСТИАНСТВЕ

Еврейство – аристократия: единый Бог сотворил мир и правит им; все люди – его дети, но евреи – его любимцы, и их

страна – его избранный удел. Он – монарх, евреи – его дворянство, и Палестина – экзархат божий.

Христианство – демократия: единый Бог, который все сотворил и всем управляет, но который всех людей любит равно

и все страны равно охраняет. Это уже не национальный, а всемирный Бог.

* * *

Христианство возникает как утешение: те, кто в сей жизни наслаждался обильным счастьем, в будущей поплатятся за

него несварением желудка; тех же, кто слишком мало ел, ждет впоследствии превосходнейший пиршественный стол; и

ангелы будут поглаживать синяки от земных побоев. Те, кто здесь, на земле, пил чашу радости, расплатятся там, наверху, похмельем.

* * *

Никогда монарх не находился в положении более жалком, чем то, в котором король прусский очутился после битвы

при Йене. Но он находил утешение в христианстве, которое и вправду является лучшей религией после проигранной

битвы.

* * *

Я пришел к убеждению, что здоровому и больному нужны совершенно различные религии. Для здорового

христианство бесполезно; но для больного, уверяю вас, это очень хорошая религия.

* * *

Я снова верю в личного Бога! Не считайте это преступлением с моей стороны. Признает же пришибленный

бедствиями немецкий народ короля прусского, почему же я не могу признать личного Бога? Друг мой, послушайте

великую истину: там, где кончается здоровье, там, где кончаются деньги, там, где кончается здравый человеческий

рассудок, – там повсюду начинается христианство.

* * *

Чтобы тебя любили как следует, всем сердцем, нужно самому страдать. Сострадание – высшее освящение любви, может быть – сама любовь. Из всех богов, когда-либо живших, Христос поэтому и любим больше всех других.

Особенно женщинами...

* * *

Право же, если бы Христос не был богом, я бы избрал его на этот пост и гораздо охотнее повиновался бы ему, чем

навязанному извне, самодержавному богу, повиновался бы ему, выборному богу, богу, мною избранному.

* * *

Какая великая драма – страсти Христовы! Ее нельзя было избежать. Так же, как и чудеса, страсти послужили

рекламой... Если теперь явится Спаситель, то ему, чтобы с успехом обнародовать свое учение, уже не нужно будет

подвергаться распятию... Он преспокойно напечатает его и объявит о книжке во «Всеобщей газете», заплатив по шесть

крейцеров за строку объявления.

* * *

Мосье Колумб, откройте нам еще один Новый Свет!

Мадемуазель Таис, сожгите нам еще один Персеполь!

Мосье Иисус Христос, устройте так, чтобы вас еще раз распяли!

О ЦЕНЗУРЕ

Немецкие цензоры.....

.....

.....

.....

.....

.....болваны.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

ОБ ЭМИГРАЦИИ

Среди живущих в Париже маленьких пророков мало немцев –
большинство едет во Францию, чтобы показать, что они

не пророки даже на чужбине.

* * *

Миссия немцев в Париже – уберечь меня от тоски по родине.

* * *

Точно в кукольном театре теней, проходят здесь передо мною
проезжие немцы, и ни один не превращается в живую

плоть.

* * *

Немцы за границей не становятся лучше, так же, как немецкое пиво.

* * *

Мой дух чувствует себя во Франции изгнанником, сосланным в чужой
язык.

* * *

Я – немецкая птица, привыкшая строить свое жилище из
разнообразного и простейшего материала, а теперь я вью

себе гнездо в локонах Вольтерова парика.

* * *

С 1831 года до самой смерти Гейне жил во Франции, оставаясь
немецким подданным. «Я отказался натурализоваться

из боязни, что стану тогда, чего доброго, меньше любить Францию,
как становишься холоднее к любовнице, законно

сочетавшись с нею в мэрии. Я буду и дальше жить с Францией в
незаконном браке».

О ЮМОРЕ

Серьезность проявляется с тем большей силой, если ей предшествует
шутка.

* * *

Смех имеет эпидемический характер, так же как и зевота.

* * *

Только решетка отделяет юмор от дома умалишенных.

* * *

Чем крупнее человек, тем легче попадают в него стрелы насмешек. В карликов попадать гораздо труднее.

* * *

С тех пор как вышло из обычая носить на боку шпагу, совершенно необходимо иметь в голове остроумие.

* * *

Я прощаю ему его плохие остроты; они нужны для успеха пьесы; они дают возможность зрителю сказать: «Этак и я умею острить».

* * *

Чем важнее предмет, тем веселее надо рассуждать о нем.

* * *

Юмор, как плющ, вьется вокруг дерева. Без ствола он никуда не годен.

* * *

Есть юмор идей, совмещение мыслей, которые никогда не встречались еще друг с другом в человеческой голове, гражданский брак между шуткой и мудростью.

* * *

Ирония всегда является главным элементом трагедии. Все самое чудовищное, самое ужасное, самое страшное можно, дабы не сделать его непоэтическим, изобразить только под пестрой одеждой смешного, как бы смягчая и примиряя

смехом. Поэтому в «Лире» Шекспир самое жуткое говорит устами шута, поэтому и Гете выбрал для самого страшного

материала – для «Фауста» – форму кукольного представления, поэтому еще более великий поэт, именно наш господь

бог, всыпал во все страшные сцены этой жизни добрую порцию смешного.

О РАЗНОМ

Дети моложе нас, они еще помнят, как тоже были деревьями и птицами, и поэтому еще способны их понимать; мы же

слишком стары, у нас слишком много забот, а голова забита юриспруденцией и плохими стихами.

* * *

Железные дороги убивают пространство.

* * *

Иные воображают, будто совершенно точно знают птицу, если видели яйцо, из которого она вылупилась.

* * *

О мертвых следует говорить только хорошее, но о живых следует говорить только дурное.

* * *

Ах! Не следовало бы, в сущности, писать ни против кого в этом мире.
Каждый достаточно болен в этой большой

больнице.

* * *

Когда порок столь грандиозен, он меньше возмущает. Англичанка,
стыдившаяся голых статуй, была менее шокирована

при виде огромного Геркулеса: «При таких размерах вещи не кажутся
мне такими уж неприличными».

* * *

Лесть является настоящей потребностью красивых мужчин,
специальность которых в том и заключается, что они

красивые мужчины.

* **

Талант мы угадываем по одному-единственному проявлению, но
чтобы угадать характер, требуется продолжительное

время и постоянное общение. «Покамест человек жив, остерегайтесь
называть его счастливым», – говорит Солон. И

мы также вправе сказать: «Покамест человек жив, не восхваляйте его
характер». Господин **еще молод, и ему

остается достаточно времени для будущих гадостей. Обождите
несколько годков, он окрестится в такой-то церкви, станет адвокатом и
будет защищать мошенников; может быть, он и сейчас занимается
этим делом в свободные

минуты, а мы только не знаем о его делах ввиду его незаметного
положения в свете.

* * *

Польша лежит между Россией и – Францией.

* * *

Прелесть весны познается только зимою, и, сидя у печки, сочиняешь самые лучшие майские песни.

* * *

Редко можно разглядеть трещину в колоколе, и узнается она лишь по звуку.

* * *

Слепой шарлатан на рынке продает воду, предохраняющую от слепоты. Он не верил в нее и ослеп.

* * *

Цель и средство – условные понятия, их выдумал человек. Творец их не знал. Созданное само себе цель. Жизнь не

цель и не средство. Жизнь – право.

ГЕЙНЕ О ДРУГИХ

О Моисее:

Каким маленьким кажется Синай, когда на нем стоит Моисей.

* * *

Несмотря на враждебное отношение к искусству, Моисей все же сам был великим художником и обладал подлинным

художественным духом. Но этот художественный дух был у него, как и у его египетских соотечественников, обращен

лишь на исполинское и несокрушимое. Только он творил свои художественные создания не из кирпича и гранита, как

египтяне, – он воздвигал пирамиды из людей, он высекал человеческие обелиски, он взял бедное пастушеское племя и

создал из него народ, которому также дано было преодолеть столетия, великий, вечный, священный народ, божий

народ, который мог служить всем прочим народам образцом и даже всему человечеству прототипом: он создал

Израиль!

* * *

О Клеопатре:

Клеопатра – о! она воплощает любовь уже ущербной цивилизации, эпохи, красота которой увяла, а кудри хоть и

завиты со всяческим искусством и умащены всяческими благовониями, но переплетены седыми нитями эпохи, которая торопится осушить иссякающую чашу. В этой любви нет ни веры, ни верности, но тем больше в ней страсти и

огня.

* * *

О Марии Антуанетте:

Последняя дама французского рыцарства.

* * *

О Жермене де Сталь:

Г-жа Сталь была любезной маркитанткой в стане либералов и смело обходила ряды борцов со своим бочонком

энтузиазма, подкрепляя усталых, и сражалась вместе с ними лучше, чем лучшие из них.

* * *

О прусском короле Фридрихе II:

Фридрих Великий имеет большие заслуги перед немецкой литературой; между прочим, то, что он издал свои стихи на

французском языке.

* * *

О Робеспьере:

У Максимилиана Робеспьера, великого мещанина с улицы Сент-Оноре, бывали приступы бешеной мании разрушения, когда дело касалось королевской власти, и достаточно страшны были судороги его царубийственной эпилепсии; но

едва речь заходила о Высшем Существо, он вновь стирал белую пену с губ и кровь с рук и облачался в свой

праздничный голубой сюртук с зеркальными пуговицами, да еще прикалывал букет цветов к широкому отвороту.

* * *

О Талейране, назначенном министром иностранных дел в правительстве Луи-Филиппа: Присягу, которую он принес теперь, он, наверно, не нарушит, ибо она – тринадцатая. Правда, у нас нет других

гарантий его честности, но и этой достаточно, так как никогда еще честный человек не изменял присяге тринадцать

раз.

* * *

О маркизе Лафайете:

Мир дивится тому, что некогда жил честный человек, – его место остается вакантным.

* * *

О Шекспире:

Если Господь по праву претендует на первое место в деле Творения, то Шекспиру по праву принадлежит второе.

* * *

О Викторе Гюго:

Его духу недостает гармонии. У его музы две левых руки.

* * *

Так как у всех своих писателей французы видят вкус, то, быть может, в полном отсутствии его у Виктора Гюго они как

раз и находят оригинальность.

* * *

Он страшно холоден; он любит только самого себя; он эгоист, и, что еще хуже, он гюгоист.

* * *

О Дюма-отце:

Александр Дюма крадет у прошлого, обогащая настоящее. В искусстве нет шестой заповеди.

* * *

О немецком писателе Карле Гуцкове:

Природа была очень скромна, когда создавала его – его, самого нескромного.

* * *

О немецком писателе Жан-Поле:

Подобно Лоренсу Стерну, и Жан-Поль в своих сочинениях предоставил в наше распоряжение свою собственную

личность, он тоже раскрывается нам в своей человеческой наготе, но с известной неловкой застенчивостью, особенно

в половом отношении. Лоренс Стерн предстает перед публикой нагишом – он совершенно раздет; у Жан-Поля, наоборот, всего-навсего дырявые штаны.

* * *

О Клаурене (псевдоним Карла Готлиба Хойна, автора сентиментальных романов): Клаурен стал нынче так знаменит в Германии, что вас не впустят ни в один публичный дом, если вы его не читали.

* * *

О писателях «Молодой Германии»:

Я посеял зубы дракона, а пожал – блох.

ДРУГИЕ О ГЕНРИХЕ ГЕЙНЕ

Если бы он чему-нибудь научился, ему не нужно было бы писать книги.

Соломон Гейне, дядя поэта, банкир

Гейне находит удовольствие в том, что разыгрывает дипломата, но в притворстве он никогда не доходит до того, чтобы

скрывать, что у него есть что скрыть.

Людвиг Бёрне

В политические интриги он не вмешивается. Но не из принципа, как могло бы показаться, а от лени. Если бы можно

было реформировать мир, лежа на диване, и так, чтобы для этого потребовалось всего лишь потянуть за шнурок

звонка, надеть халат и сунуть ноги в домашние туфли, то он, конечно, принял бы в этом участие.

Август Траксель, немецкий журналист

Гейне – аристократ от рождения. Народ вызывает у него приступ морской болезни.

Людвиг Бёрне

Он таков же, как его поэзия – смесь самой возвышенной чувствительности и самых смешных шуток.

Жорж Санд

Его сарказмы одеты в парчовые одежды.

Теофиль Готье

В Париже Вы представляете мысль и поэзию Германии, а в Германии – живую и остроумную французскую критику.

Оноре Бальзак в письме к Гейне

Старик Гораций напоминает мне местами Гейне, который очень многому у него научился, а в политическом

отношении был по существу таким же прохвостом.

Фридрих Энгельс в письме Карлу Марксу

Если Гейне только наполовину такой подлец, как он добровольно признает, то он заслужил, чтобы его пять раз

повесили и десять раз наградили орденом.

Людвиг Бёрне

Это – не падший ангел света, но темный демон, насмешливо являющийся в образе светлом.

Василий Жуковский

Еврей, за которого я всех русских отдам.

Марина Цветаева

Женщина, не забывающая о Генрихе Гейне в ту минуту, когда входит ее возлюбленный, любит только Генриха Гейне.

Марина Цветаева

Я еще маленький был, как надрывался от злобы и умиления, читая его.

Михаил Салтыков-Щедрин

Он обладал той божественной злобой, без которой я не могу мыслить совершенства. И как он владел немецким

языком! Когда-нибудь скажут, что Гейне и я были лучшими артистами немецкого языка.

Фридрих Ницше

Генрих Гейне так ослабил корсет немецкой речи, что теперь даже самый заурядный галантерейщик может ласкать ее

груди.

Карл Краус

Все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне.

Александр Блок

В смерти моей прошу винить немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль в сердце.

Максим Горький в записке, оставленной при покушении на самоубийство (1887 год) Гейне единственный комик между немцами, никогда не могшими подняться до комического взгляда на самих себя.

Аполлон Григорьев

Министр Геббельс исключил Генриха Гейне из энциклопедического словаря. Одному дана власть над словом, другому

– над словарем.

Дон Аминадо

СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ ГЕЙНЕ

Младшей сестре Генриха Гейне, Шарлотте, задали писать сочинение. Вместо нее сочинение написал Генрих; Шарлотта сдала тетрадку, даже не заглянув в нее. На другой день преподаватель пригласил девочку в свой кабинет и

сказал:

– Я не буду тебя ругать, дитя мое, скажи мне только, кто это написал?

– Мой брат, – прошептала пристыженная Шарлотта.

– Но ведь это шедевр!

Когда рассказ (а речь в нем шла о привидении) был прочитан в классе, три маленькие девочки плакали от страха.

* * *

Гейне сотрудничал в «Ревю Франсез», платившем ему франк за строчку. Однажды его друзья и собратья по перу

устроили роскошный ужин – по 50 франков с человека. Ужин прошел очень весело. В дверях ресторана Гейне

встретил знакомого.

– Кажется, вы хорошо поужинали, – заметил тот.

– Дорогой мой, мы съели каждый по пятьдесят строчек, – ответил Гейне.

* * *

– Наверно, я кажусь вам очень скучным, – сказал как-то Гейне своему парижскому другу после недолгого разговора. –

Это потому, что незадолго до вас меня посетил наш друг Икс, и мы обменялись мыслями.

* * *

– Читали вы новую брошюру В.? – спросили Генриха Гейне.

– Нет, – ответил поэт. – Я читаю только большие его труды, желательно трех-, четырех- и пятитомные. Когда я вижу

озеро, море, океан воды – это захватывает дух, но в чайной ложке я воду не выношу.

* * *

– Ты говоришь, как пишешь! – воскликнул однажды Генрих Лаубе, знакомый Гейне.

– Так бывает всегда, когда писать мы уже не способны, – ответил поэт.

* * *

Датский поэт Эленшлегер читал свою новую трагедию. Читал он скверно, со всеми характерными для датчан

искажениями немецкого языка. Гейне, пожалевший, что не сумел уклониться от приглашения, сказал вместо

ожидаемой похвалы:

– Вот уж не думал, что я так хорошо понимаю по-датски.

* * *

В 1841 году Гейне женился. Своим друзьям он рассказывал: – Вернувшись из церкви, я написал завещание. Я

оставляю все имущество жене, но с единственным условием, а именно: чтобы после моей смерти она сразу же

вступила в новый брак. Хочу быть уверен в том, что на свете останется хоть один человек, который каждый день будет

сожалеть о моей кончине, восклицая: «Бедный Гейне, зачем он умер? Будь он жив, мне бы не досталась его жена!»

(На самом деле такого завещания, конечно, не было, и Матильда Гейне так и не вышла замуж после смерти мужа.)

* * *

Сиделки носили парализованного Гейне на простынях. Посещавшим его знакомым он говорил:

– Как видите, дамы все еще носят меня на руках.

* * *

Знаменитый доктор Груби осмотрел парализованного Гейне. Тот спросил:

– Доктор, долго ли я еще протяну?

– Очень долго, – ответил доктор.

– Ну, тогда не говорите этого моей жене!

* * *

За три года до смерти Гейне сказал:

– Иегова, чтобы испытать меня, бросил меня на этот матрац, как покойного Иова, отнял у меня все, только жену не

взял. Но в один прекрасный день, я уверен, он вернет мне все – здоровье, счастье и молодость.

– И тогда вы уверуете в него?

– Как в Ротшильда, когда он оплачивает мой вексель. И, как Елиуй в Книге Иова, я буду восхвалять его за создание

арабской лошади.

* * *

За несколько часов перед кончиной поэта в комнату к нему ворвался один знакомый, чтобы еще раз его увидеть.

Войдя, он сразу же спросил Гейне, каковы его отношения с Богом. Гейне ответил, улыбаясь:

– Будьте спокойны, Бог меня простит – это его профессия.

Основные источники

Гейне Г. Собр. соч. в 10 т. – М., 1956 – 1959.

Гейне Г. Собр. соч. в 6 т. – М., 1980—1983.

Гейне Г. Избранные мысли. – СПб., 1884.

Гейне в воспоминаниях современников. – М., 1988.

Гиждеу С. Генрих Гейне. – М., 1964.

Тынянов Ю. Тютчев и Гейне // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

Читая Гейне: Писатели о писателе. – М., 1997.

Шиллер Ф. П. Генрих Гейне. – М., 1962.

Gesprache mit Heine. – Potsdam, 1948.

Das Endgltige zynische Lexicon. – Zrich, 1989.

Heinrich Heine: Sein Leben in Bildern. – Leipzig, 1963.

® Составление. Душенко К. В., 2000 г.

® Перевод из иностранных источников, указанных в списке литературы, – Душенко К. В., 2000 г.

Document Outline

- [Константин Душенко](#)
- [Генрих Гейне. Мысли и афоризмы](#)
 - [НЕСКОЛЬКО ДАТ](#)
 - [ГЕЙНЕ О СЕБЕ](#)
 - [ОБ АНГЛИИ И АМЕРИКЕ](#)
 - [О БИБЛИИ И БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТАХ](#)
 - [О БОГЕ И РЕЛИГИИ](#)
 - [О ГЕРМАНИИ И НЕМЦАХ](#)
 - [О ГЕТЕ И ШИЛЛЕРЕ](#)
 - [О ГЛУПОСТИ И ДУРАКАХ](#)
 - [О ГРЕКАХ И РИМЛЯНАХ](#)
 - [О ДЕНЬГАХ](#)
 - [О ДОБРОДЕТЕЛИ И СТРАДАНИИ](#)
 - [О ДЬЯВОЛЕ](#)
 - [О ЕВРЕЯХ](#)
 - [О ЖЕНЩИНАХ](#)
 - [ОБ ИДЕЯХ](#)
 - [ОБ ИСКУССТВЕ](#)
 - [ОБ ИСТОРИИ](#)
 - [О КАТОЛИЦИЗМЕ](#)
 - [О КРЕЩЕНИИ ЕВРЕЕВ](#)
 - [О КРИТИКЕ](#)
 - [О ЛИТЕРАТУРЕ](#)
 - [О ЛЮБВИ](#)
 - [О МЕСТИ И ПРОЩЕНИИ](#)
 - [О МУЗЫКЕ И ТЕАТРЕ](#)
 - [О НАПОЛЕОНЕ](#)
 - [О НАРОДЕ](#)
 - [О ПАРИЖЕ](#)
 - [О ПАТРИОТИЗМЕ И НАЦИОНАЛИЗМЕ](#)
 - [О ПОЛИТИКЕ](#)
 - [О ПОЭЗИИ И ПОЭТАХ](#)
 - [О ПРОТЕСТАНТИЗМЕ](#)

- [О РОТШИЛЬДЕ](#)
- [О СВОБОДЕ](#)
- [О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ](#)
- [ОБ УЧЕНЫХ](#)
- [О ФИЛОСОФАХ](#)
- [О ФРАНЦИИ И ФРАНЦУЗАХ](#)
- [О ХРИСТИАНСТВЕ](#)
- [О ЦЕНЗУРЕ](#)
- [ОБ ЭМИГРАЦИИ](#)
- [О ЮМОРЕ](#)
- [О РАЗНОМ](#)
- [ГЕЙНЕ О ДРУГИХ](#)
- [ДРУГИЕ О ГЕНРИХЕ ГЕЙНЕ](#)
- [СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ ГЕЙНЕ](#)
- [Основные источники](#)